

БЕЗУМНЕЕ

ВСЯКИХ

18+

ФАНФИКОВ

КРИС КОЛФЕР

Молодежные романы Криса Колфера

Крис Колфер

Безумнее всяких фанфиков

«АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Колфер К.

Безумнее всяких фанфиков / К. Колфер — «АСТ»,
2017 — (Молодежные романы Криса Колфера)

ISBN 978-5-17-982787-0

Кэш Картер – молодой и всемирно известный актер популярного телесериала «Чудо-ребята». Желтая пресса и папарацци следят за каждым его шагом. Все мечтают оказаться на его месте... или хотя бы подобраться поближе, чтобы сфотографироваться. Когда четверо фанатов в шутку приглашают Кэша поехать вместе с ними в тур по стране, тот, к их немалому изумлению, соглашается. Другим предстоит оказаться в центре всеобщего внимания и отправиться в путь, где на каждом углу их будут поджидать приятные и не очень происшествия, непредвиденные повороты и жадные до сенсаций фотографы. Кроме того, им придется понять, что их любимый актер вовсе не так безупречен, как казалось на экране. У Кэша Картера есть свои тайны, очень серьезные и мрачные, и если кто-нибудь узнает о них, это может разрушить его репутацию раз и навсегда.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-982787-0

© Колфер К., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1. Интервенция на конвенции	6
Глава 2. Памятное лето	16
Глава 3. Что сказал медиум	26
Глава 4. Расстройство буйного воображения	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Крис Колфер

Безумнее всяких фанфиков

© 2017 by Christopher Colfer

© М. Шмидт, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Эили.

Спасибо за лучшую дружбу, о которой только может мечтать парень.

Твоя память куда лучше моей, так что будешь мне напоминать, что из всего в этой книге на самом деле было.

Глава 1. Интервенция на конвенции

«ЧудоКон» – не «ЧудоКон», если кого-нибудь не затоптали. По крайней мере, сотрудники конвент-центра в Санта-Кларе считали именно так. О том, удался ли этот ежегодный съезд или нет, судили не по числу посетителей (билеты всегда раскупали подчистую), а по количеству увечий, которыми ухитрялись наградить друг друга восторженные фанаты.

К счастью, со зла такого никогда не бывало – участники просто настолько съезжали с катушек от счастья, что начинали крушить всё направо и налево. А потому с каждым новым происшествием организаторы всё больше убеждались, что справились на ура.

И вот, когда первые посетители прижались к стеклянным дверям, сходя с ума от нетерпения, сотрудники центра поняли, что «ЧудоКон» 2017 года вот-вот побьет новые рекорды.

– Уже двенадцать ноль один! – сказал маленький мальчик в костюме пришельца-грея. – Вы обещали открыться ровно в полдень!

– Сколько можно, мы уже несколько часов ждем! – воскликнула старушка, наряженная под обезглавленную Марию-Антуанетту.

– А кто-то даже со вчера! – добавила очень сонная девушка из компании ребят, одетых в динозавро-комбинезоны.

Конвент-центр окружила толпа исторических личностей, вымерших видов и инопланетян. Всё это походило на наркоманскую секту и могло бы встревожить всякого мимохожего, но на самом деле сборище было вполне себе безобидное.

Все эти люди собрались на «ЧудоКон», потому что любили хитовое телешоу под названием «Чудо-ребята». Это был приключенческий сериал о трех юных гениях, путешествующих в пространстве и времени в машине, которую они сами соорудили из кабинки биотуалета.

Разумеется, когда сериал только вышел, критики разнесли его в пух и прах. Каждая новая рецензия на «этот идиотский сюжет» была беспощаднее предыдущей. С подлинным наслаждением обозреватели рвали сериал на части и даже соревновались в этом – каждый заявлял, что «возненавидел его больше всех». Вот только с каждым таким ударом «Чудо-ребята» привлекали все больше внимания. Людям хотелось самим увидеть весь этот предполагаемый «абсурд», но обещанного отвращения почему-то не было. Странность сериала зрители сочли обаятельной, прочувствовали его уникальную, незатейливую и легкую атмосферу, и так зародился мировой феномен.

Не Шекспир, конечно, но, к счастью, это был и не Шекспир.

В одночасье подростки-актеры сериала прославились на весь свет. Их лица красовались на футболках, коробках для обедов, простынях, разнообразных предметах гигиены, а их личную жизнь принялись бурно обсуждать во всех таблоидах.

Девять сезонов спустя аудитория «Чудо-ребят» разрослась и разошлась как никогда. Самопровозглашенные «чудики» захватили интернет, и хэштегов, трендов, форумов и фанфиков у них стало больше, чем у любого другого сериала. И каждые четвертые выходные июня чудики со всего света, как пилигримы, ехали в Санта-Клару, штат Калифорния, на священную конвенцию «Чудо-ребят», чтобы разделить любовь к сериалу с собратьями.

– Пять минут первого! – сказала мама трояншек, разодетых под римских солдат. – Открывайте уже!

– Ну впустите нас, тут жарко! – поддакнул мужчина, с головы до ног замотанный в костюм марсианского слизняка.

– У меня усы плавают! – крикнула маленькая девочка, одетая Эдгаром Алланом По (по крайней мере, остальные надеялись на это).

Наконец двери открылись в десять минут первого, и толпа инопланетян, почивших исторических личностей и огромных рептилий ворвалась в конвент-центр – «ЧудоКон» 2017 года

начался! Охранники осторожно вели радостный народ по центру, будто пасли стадо взрывоопасных овец. Медики стояли с каталками наготове. Остальные сотрудники центра делали ставки, у кого из гостей скорее всего снесет крышу.

Первые чудики рванули к актовому залу, в котором должна была состояться «Панель актеров и создателей «Чудо-ребят». Мест было только на шестьсот человек, остальным приходилось смотреть трансляцию в выставочном зале.

Жажда узреть своих кумиров во плоти, подростки понеслись по залам, сшибая лотки с дорожными товарами и ни о чем не подозревающих взрослых. Они втиснулись в узкие двери актового зала и бросились к первым же местам, какие смогли найти. Несколько минут – и все ряды были забиты веселой молодежью. На тех, кто не успел найти место, смотрели с жалостью, как на пассажиров третьего класса на «Титанике».

В ожидании панели ни один чудик не мог спокойно усидеть на месте. Зрители ерзали и дергались, будто всем разом страшно приспичило в туалет. От нетерпения дух захватывало, и некоторым даже пришлось дышать в пакетик, чтобы не отключиться – да и разве можно было их винить? Наконец, наконец-то! Целый год они ждали эту панель, и до нее осталось всего несколько мучительных минут!

Бегая глазами по сцене, зрители гадали, с какой стороны выйдут их герои. Во главе зала стоял стол с четырьмя стульями, микрофонами и именными табличками. Посетители завывали, как гиены, читая имена создателя и актеров «Чудо-ребят», особенно Кэша Картера, исполнителя главной роли.

Без сомнения, больше всего чудики хотели увидеть именно Кэша. Если у кого-то не было костюма, то футболка с персонажем Кэша, доктором Вебстером Конфузером, была обязательно. Доктор прославился толстыми очками, зеленым галстуком-бабочкой и синим лабораторным халатом. Чудики шептались, рассуждая, чем в этот самый миг занимается Кэш Картер и радуется ли он конвенции так же сильно, как они...

В актерском фойе гомон толпы походил на грохот далекой бури. Кэш Картер улучил минутку покоя в ванной, где шум совсем заглушило гудение флуоресцентных ламп. Кэш стоял перед зеркалом, закрыв глаза, и наслаждался блаженной тишиной, пока еще мог.

Кэш был не из завистливых, но все же завидовал людям, живущим в тишине и спокойствии. Лишь в полном безмолвии он мог жить по-настоящему, а не вспоминать без конца, кем был – или не был, если верить критикам. Но отыскать укромный уголок без съемочной суеты, шелканья камер и шума голодной толпы ему удавалось нечасто. Может, в ванной и были треснутые стены, потолок в странных пятнах, кошмарный запах мускуса, и кого-то когда-то в ней совершенно точно убили, но для Кэша в ту минуту она была святилищем.

Его покой нарушил стук в дверь.

– Мистер Картер? – позвал рабочий сцены, которому явно платили меньше, чем стоило бы. – Вы еще там? Мы надеемся начать панель через пять минут.

– В смысле через пять? Я думал, мы только в два начинаем, – удивился Кэш.

– Уже два, – ответил рабочий.

Кэш и сам не заметил, как проторчал в ванной больше часа. Он приоткрыл воспаленные глаза с дряблыми веками и уставился на свое отражение. Двадцатидвухлетний актер был худ, небрит и лохмат. На нем был черный блейзер поверх футболки, в которой он накануне заснул. Вокруг витал сильный запах одеколона – Кэш уже два дня не мылся, нужно же было скрыть это хоть как-нибудь.

– Все нормально? – спросил рабочий. – Вы там уже довольно давно.

– Порядок, – буркнул Кэш. – Забыл про время. Пусть начинают, я выйду через пять минут.

– Простите, но продюсеры еще хотели переговорить с актерами до начала конвенции, – ответил рабочий.

Кэш хмыкнул.

– Тогда через десять.

Рабочий тяжело вздохнул.

– Вас понял, – сказал он и щелкнул кнопкой на переговорнике. – Он выйдет через десять минут... Да знаю я, что мы и так опаздываем. Скажите толпе, что начнем ближе к половине третьего. Не кипятись, Гэри, у нас тут все-таки «ЧудоКон», а не «Оскар».

Раздраженный рабочий ушел, подарив Кэшу еще несколько минут покоя.

Будто стайка летучих мышей, по всему телу Кэша пронеслась волна тревоги. Даже спустя девять лет конвенций он волновался, готовясь встретиться со зрителями. Глупо, может быть, но в том, чтобы выйти к толпе кричащих, хлопающих и рыдающих незнакомцев, было нечто, к чему Кэш никак не мог привыкнуть. И хотя любовью поклонников он никогда не пренебрегал, непросто было служить источником такого счастья. Одним словом Кэш мог эмоционально травмировать целое поколение молодежи до конца их дней или вызвать волну ненависти до конца своих.

Быть любимым – это просто жуть.

К счастью, теперь Кэш знал, что делать. Он вытащил из кармана три большие таблетки и две мармеладки с марихуаной. Таблетки он проглотил, мармеладки разжевал и запил их глотком из фляжки, которую держал в пиджаке. Сочетание, пожалуй, не слишком полезное, но работали вкусняшки всегда быстрее, если принимать их сразу все.

Кэш прикрыл глаза, глубоко вздохнул и подождал, когда произойдет волшебство. Секунду спустя в дверь снова постучали.

– Мистер Картер? – позвал рабочий. – Прошло уже пятнадцать минут. Вы готовы?

Неспособность следить за временем и впрямь была побочным эффектом лакомств Кэша, но зато тревога его совершенно исчезла. Раз уж на то пошло, он вообще почти ничего не чувствовал. Все вдруг стало легко и невесомо, будто Кэш парил в облаках на воздушном шаре. Только распахнув глаза и оглядевшись, он вспомнил, что находится в ванной. Коктейль удался!

– Мистер Картер! Вы меня слышите? – с каждой миллисекундой рабочий все больше терял терпение.

Кэш хихикнул. Почему-то забавно было слышать, как его называет «мистером Картером» человек почти вдвое старше.

– Слышу-слышу, – ответил он. – Время представления!

Кэш неохотно покинул свое святилище и последовал за рабочим по коридору. Народу в фойе обнаружилось больше, чем он ожидал. Семеро человек сидели перед ним, и в затуманенном сознании Кэш не сразу их всех узнал.

Дэмиен Циммер, создатель «Чудо-ребят», сидел в центре рядом с исполнительным продюсером сериала, Джимом Кауфманом. Справа устроились коллеги Кэша: прекрасная Эми Эванс и накачанный Тоби Реймос. Слева от Дэмиена и Джима сидели женщина и двое мужчин среднего возраста, все в дорогих костюмах. Кэш знал, что это исполнительные продюсеры с канала, но их так часто меняли, что он не успевал запоминать имена.

– Что-то вы внезапно, – сказал Кэш.

– Дадите нам минутку? – попросил Джим рабочего.

Бедняга мечтал поскорее начать панель, но уступил.

– Сядь, Кэш. – Дэмиен кивнул на пустой стул.

– Гм... ладно. – Кэш сел.

Все строго уставились на него. Кроме коллег-актеров – те уткнулись в телефоны. Кэш чувствовал, что все почему-то на него злятся – и не просто из-за того, что он задержался в ванной. Может, что-то не то ляпнул на интервью или забыл устроить твит-сессию во время очередного показа серии?

– Ну? – спросил Кэш. – Что не так-то?

– Прежде чем мы начнем, ты должен знать, что мы собрались здесь, потому что ты очень нам дорог, – сказал Джим.

– Пф-ф, это «ЧудоКон», – ответил Кэш. – Здесь все собрались именно поэтому.

После этих слов кто-то тяжело вздохнул, кто-то закатил глаза, но Кэш даже не собирался язвить намеренно. Наоборот, после трех анальгетиков, двух конфеток и глотка виски он только и мог, что говорить честно и прямо.

– Все очень серьезно, Кэш, – сказала женщина-продюсер. – Разговор будет неприятный, но он необходим, пока все не стало совсем плохо.

– Совсем плохо? – удивился Кэш. – Да о чем вы вообще?

Все принялись переглядываться, передавая слово сотоварищу, и наконец оно досталось Дэмиену, причем видно было, что тот не в восторге.

– У нас не всегда все было ладно, так что, может, не мне стоит разговаривать с тобой об этом. – Дэмиен театрально вздохнул. – Но с самого конца съемок девятого сезона ты отбился от рук. Мы сначала думали, что это временно, но после двух месяцев беспредела стали опасаться, что все обстоит куда хуже. И расчистили свои графики, чтобы прийти сегодня сюда и обсудить твое поведение.

Дэмиен был прав – не ему стоило разговаривать с Кэшем об этом. Собственно, именно от Дэмиена Кэшу меньше всего хотелось выслушивать нотации на тему поведения.

Всего лишь в свои тридцать пять Дэмиен Циммер самолюбием и высокомерием дока- тился до всех худших голливудских штампов вместе взятых. Он начал карьеру еще в детстве, в дешевом ситкоме «Кто в доме родитель?», который больше запомнили за кошмарный закад- ровый смех, чем за сценарии. Когда Дэмиену было за двадцать, он создал «Чудо-ребят», чтобы самому сыграть в них главную роль. Канал одобрил и оплатил сериал, но счел Дэмиена слиш- ком взрослым и велел взять актеров помоложе. И хотя «Чудо-ребята» стали хитом и принесли ему баснословные деньги, Дэмиен всегда гнобил Кэша за то, что тот «украл» его роль и славу.

– Стоп, – перебил Кэш. – Это интервенция такая? Прямо перед конвенцией?

– Именно так, – ответил Дэмиен. – И не на ровном месте. Тебя видели пьяным вусмерть в клубах по всему городу, укуренным в хлам в общественных местах, гоняющим по бульвару Сансет со шлюхами на заднем сиденье твоего «ламборгини», а полиция через ночь приезжает к тебе домой, чтобы разогнать очередную идиотскую вечеринку.

– Для начала, это были стриптизерши, а не шлюхи, и у меня «мазерати», – заявил Кэш. – А пьянствовать и закатывать вечеринки вроде как вполне законно.

– А вот подвергать опасности детей – нет, – продолжал Дэмиен. – Повезло еще, что тебя не привлекли за то, что ты потащил «Мальчиков и девочек Америки» прыгать с парашютом или тех бедняжек из «Загадай желание» – на стрельбище.

– Нам также известно, что тебя поймали на запрещенной территории, – добавил Джим. – Кто-то заснял, как ты лезешь на статую слона на Ранчо Ла-Брея голышом и орешь «Я царь мамонтов». Да агенты канала в лепешку расшиблись, чтобы это не попало в интернет!

Кэш хихикнул.

– Ну согласитесь, шикарно же вышло, – сказал он. – Кстати, можно мне видео? Я в ту ночь где-то телефон посеял, может, на записи видно где.

Ответом ему послужило злобное молчание.

– Судя по всему, по наклонной тебя ведет эгоизм, глупость и саморазрушение, – сказал Дэмиен. – Ты портишь собственную репутацию и заодно подвергаешь угрозе нашу. Да, сейчас мы пока ничего не снимаем, но тем не менее ты остаешься представителем канала, студии и *моей* фирмы...

Дэмиен все разглагольствовал, как Гамлет, но Кэш на него уже не смотрел. Его внима- нием завладела Эми, которая принялась фотографироваться на телефон. Кэш даже предста- вить себе не мог, есть ли на свете занятие более неуместное во время интервенции. Все равно

что пиццу на похоронах заказывать. Впрочем, Кэш вовсе не удивился: склонность Эми к самолюбию всегда его восхищала.

Как-то на съемках Кэш случайно перепутал телефон Эми со своим и заглянул в ее фотоальбом. На каждом снимке она была в одной и той же позе и с одним и тем же любимым выражением лица – «эротическим удивлением». Кэш пролистал тонны фотографий, но не нашел ни одной, на которой были бы друзья или родственники Эми – только она сама. Порой Кэш даже побаивался, что Эми на самом деле не Эми, а ее сумасшедший поклонник-преследователь в костюме из ее кожи.

– Кэш, ты меня вообще слушаешь? – спросил Дэмиен и наклонился поближе. – погоди, ты *под наркотой*, что ли?

– С такими разговорами никакая наркота не спасает, – пробурчал Кэш.

Его коллег такой ответ изрядно возмутил, особенно Тоби Реймоса, который даже свой телефон отшвырнул в сторону.

– Без толку! – сказал Тоби. – Чихать он хотел на все наши слова. Мне сегодня вечером надо обратно в Лос-Анджелес на съемки. Долго еще возиться?

Тоби (или Качок МакПсих, как звал его Кэш за глаза) имел в виду съемки многомиллионного фильма по комиксам под названием «Человек-мотылек». Для главной роли Тоби так быстро и так сильно накачался, что непонятно было, как он до сих пор ухитряется завязывать себе шнурки. О таком масштабном проекте мечтал любой актер, и весь перерыв между съемками «Чудо-ребят» Тоби тратил на него. Впрочем, Кэш находил немалую иронию в том, что Тоби по восемьдесят часов в неделю разгуливает в костюме гигантского насекомого, но при этом почему-то считает, что его время – самое ценное.

– Давайте закончим, – сказал Кэш. – Да, я понимаю, что мое поведение некоторых смущает, но я девять сезонов играл по правилам, говорил и делал что велено, никогда никому не мешал и, по-моему, заслужил хоть немного веселья. Seriously, ребята, я с двенадцати лет снимаюсь в этом сериале. Юность не вечна, я просто хочу побыть молодым, пока еще можно.

Остальные переглянулись, и в их взглядах не было ни капли сочувствия. Всем было глубоко плевать на его желания.

– К сожалению, ваше понятие юности не вписывается в условия договора, – сказал один из мужчин-продюсеров. – Вы вместе со своим представителем согласились придерживаться этических норм студии, когда устраивались на эту работу и потом еще раз – при пересмотре договора к шестому сезону. Если ваше поведение останется прежним, мы будем вынуждены обратиться в суд.

Угроза была очень серьезная, но Кэш не задрожал в ужасе, а только рассмеялся.

– Вы сможете меня засудить, только если договор будет в силе, – сказал он. – А мне, судя по всему, уже недолго осталось на вас работать.

– Так вот в чем дело? – спросила Эми. – Ты хочешь, чтобы тебя уволили? Что за убожество!

– Чувак, ты просто кретин, – добавил Тоби. – Если тебя уволят из сериала, работы ты себе в жизни больше не найдешь, а фанаты тебя возненавидят!

Кэш чуть не прослезился, ощутив такую любовь и поддержку со стороны коллег. Интервью у них получилась что надо. Ему немедленно захотелось ступить на путь праведный, чтобы *им* проще жилось.

– Ну хватит, успокойтесь, – сказал Джим. – Никто никого увольнять не собирается. Мы хотим помочь Кэшу, а не ругать его или в чем-то обвинять.

Определенно не все были с этим согласны, потому что Дэмиен смотрел на Кэша презрительнее некуда. Ни разу за девять лет их знакомства он не упускал возможности докопаться до Кэша.

– Мне тебя так жаль, Кэш, – заявил Дэмиен. – Ты еще слишком незрел и не способен понять, как тебе повезло. Миллионы людей в этом мире готовы пойти на *убийство*, лишь бы оказаться на твоём месте. Нравится тебе это или нет, ты – главный актер самого популярного сериала на телеканале, и они отсудят у тебя все до гроша и только потом уволят. Поэтому условия контракта ты исполнишь и будешь пайнкой. На твоём месте я бы просто с этим смирился.

Кэш не знал, пугаться ему или аплодировать – лучше всего Дэмиан выступал, когда был зол. Однако все его слова, конечно же, были ерундой. Незрелость и неблагодарность – это как раз к Дэмиену, а не к Кэшу. Кэш же очень даже смирился с реальностью, причем смирения в нем было больше, чем кто-либо из присутствующих мог предположить.

– Избавиться от контракта можно по-разному, – сказал Кэш.

И широко улыбнулся. Пусть пугают сколько хотят, Кэш знал, что в следующем сезоне сериала его уже не будет. Кое о чем он им не рассказал, хоть и очень хотелось, просто чтобы они поняли, как сильно ошибаются. Но подождать стоило. Еще не время.

Рабочий сцены вернулся в комнату очень смущенный, будто застал пожилых родителей во время секса.

– Простите, пожалуйста, не хочу мешать, – сказал он. – Мы объявили толпе, что начнем в полтретьего, а сейчас уже без пятнадцати. Вы скоро закончите, или нам передать им, что начало в три?

– Пока отложим этот разговор, – подытожил Джим. – Мы высказали Кэшу свое беспокойство, теперь уже он должен подумать над этим как следует. Но позвольте повторить: *никто никого не увольняет и из сериала никто не уходит*. Мы собрались обсудить новый сезон и ничего более. А теперь пойдем порадуем фанатов. Если бы не они, мы бы все сидели без работы.

С этим никто не спорил. Все вздохнули с облегчением, когда неприятный разговор закончился, особенно Эми и Тоби. Похоже, они разнервничались больше Кэша. Он чуть не предложил им своих конфеток, но решил, что толкать людям наркоту сразу после интервенции – это перебор.

Джим с продюсерами вышел из фойе и направился в зрительный зал, чтобы наблюдать за панелью оттуда. Рабочий проводил Дэмиена, Тоби, Эми и Кэша к сцене и оставил ждать за занавесом.

– Когда назовут ваше имя, выходите и садитесь на свое место за столом, – сказал он.

– Так вот как, значит, надо? Правда, что ли? – Тоби скорчил издевательскую гримасу.

– Ага, будто мы впервые на конвенцию пришли, – сказала Эми и сделала селфи.

Кэш фыркнул, но насмешили его не слова коллег. Просто забавно было, что даже под гидрокодомом, травкой и алкоголем вовсе не он ведет себя на важном мероприятии как самое пафосное чмо.

– Простите, меня заставляют каждый год напоминать, – сказал рабочий и щелкнул кнопкой на гарнитуре. – Все готово. Вступление!

Бодрый голос диктора вырвался из динамиков и прокатился по залу, как глас божий.

– Дамы и господа, мальчики и девочки, инопланетяне, рептилии и насекомоподобные, жители прошлого, настоящего и будущего, чудики со всего света, добро пожаловать на панель с актерами и создателями «Чудо-ребят» 2017 года!

Зрители обезумели. Если бы их энергию можно было собрать, ее хватило бы, чтобы обеспечить электричеством всю Центральную Америку лет на десять.

– Поприветствуйте бывшую звезду сериала «Кто в доме родитель?» и создателя «Чудо-ребят», Дэмиена Циммера!

От слов «бывшая звезда» Дэмиена, видимо, прошло мучительной болью, потому что он неприязненно передернулся. Затем вышел из-за занавеса и поклонился зрителям. Чудики

вежливо ему похлопали, но смотрели скорее не на него, а ему за спину в надежде разглядеть актеров.

– Его вы знаете как чудаковатого профессора антропологии и знатока истории Фитца Везуччи! Приветствуем звезду грядущего блокбастера «Человек-мотылек» – Тоби Реймоса!

Тоби выскочил на сцену, как бык из загона, сверкая мышцами и выделявая сальто. Он так разошелся, что даже слоновьей дозы транквилизатора не хватило бы, чтобы его уговорить.

– Она известна вам по роли инженера-механика с золотым сердцем, доктора Джулс Персико! Аплодисменты актрисе, супермодели, убежденной пескетарианке, прекрасной и талантливой Эми Эванс!

Эми проскользнула сквозь занавес и зашагала вперед, как на подиуме. Она рассыпалась в воздушных поцелуях, сложила руки сердечком, а затем сделала селфи прямо на сцене – правда, без зрителей.

– Последний, но определенно не по значению! Вы знаете его по роли очаровательного, умного и эксцентричного эксперта по квантовой физике, доктора Вебстера Конфузера! Поприветствуем единственного и неповторимого Кэээээша Картера!

Ведущий еще не успел договорить, а толпа уже вопила так, что Кэш едва расслышал команду выходить. Он шагнул на сцену, и волна всеобщего восторга захлестнула его. Приветствуя Кэша, зрители ревели в два раза громче, чем до того. Прожекторы слепили его, почти ничего вокруг было не разглядеть. Кэш видел лишь вспышки камер, будто смотрел на бесконечную пульсирующую галактику.

Когда же наконец глаза Кэша привыкли к яркому освещению, он увидел истерически трясущихся, рыдающих и скачущих по залу чудиков. Кэш вежливо помахал толпе и тем самым только подлил масла в огонь. Он нашел свое место за столом рядом с коллегами, но зрители продолжали реветь до хрипоты.

– А вот и ведущие панели! Дженнифер Смоллс из «Entertainment Weekly», Терренс Уоллем из «Hollywood Reporter» и блогер Кайли Триг!

Прожекторы осветили первый ряд, в котором сидели ведущие. У каждого был микрофон и блокнот с символикой «Чудо-ребят» с вопросами.

– Начнем с вопроса от Дженнифер Смоллс, – объявил диктор.

– Спасибо за приглашение, «ЧудоКон»! – сказала Дженнифер в микрофон. – Как же я рада вернуться сюда!

Если в чем актеры «Чудо-ребят» и сходились во мнениях, так это в том, что Дженнифер Смоллс – сатана в черных леггинсах. До того как устроиться репортером в «Entertainment Weekly», Дженнифер работала на вебсайт под названием «Попались» – журнал сплетен, созданный для того, чтобы разоблачать актеров-геев, распространять слухи о чьей-нибудь беременности, разлучать звездные пары, сливать приватные фотографии – в общем, изо всех сил мешать знаменитостям жить.

Когда Кэш купил свой первый дом, Дженнифер Смоллс написала в Интернете его адрес. Разумеется, к нему тут же нагрянули папарацци, голливудские туристы и пятеро неадекватов, которые отказывались уходить. Круглосуточная охрана и судебные запреты обошлись Кэшу в тысячи долларов. Неудивительно, что большой любви к Дженнифер Смоллс он не питал. Ее вообще пригласили на «ЧудоКон» только по одной причине: в 2004 году она написала статью о том, что Дэмиена Циммера незаслуженно лишили номинации на Эмми за «Кто в доме родител» в категории «лучшая мужская роль второго плана».

– Мы всегда тебе рады, Дженнифер, – сказал Дэмиен в микрофон.

– Мой вопрос к Кэшу, – объявила она. – Мы заметили, что с каждым сезоном трюков в сериале все больше. Каково было снимать восьмую серию девятого сезона, «Падение Атлантиды»?

– Мокро, – лаконично ответил Кэш.

Немногословность он избрал своей тактикой не только для Дженнифер, но и для всей конвенции. Чем меньше он скажет, тем меньше потом в прессе всплывет снимков, на которых он что-то говорит. Когда Кэша фотографировали на полуслове, всякий раз казалось, что у него припадок, а никаких других снимков, судя по всему, в газетах в последнее время и не печатали. К счастью, зрители ничего не заподозрили и краткость Кэша им очень понравилась.

– Следующий вопрос – от Терренса Уоллема, – сказал диктор.

Голливудский репортер из одноименного издания принялся яростно листать блокнот в поисках вопроса. Лет ему было уже под семьдесят, и в Лос-Анджелесе он считался одним из самых беспощадных критиков. Терренс был печально известен тем, что во всем находил к чему придаться. «Игру престолов» он назвал слишком «добренькой», «Аббатство Даунтон» – «детским садом», а «Теорию большого взрыва» – «оскорблением для всякого человека с мозгами». Судя по раздражению на лице Терренса, он бы скорее пошел на колоноскопию без наркоза, чем на «ЧудоКон» к чудикам.

– Мой вопрос – к мистеру Циммеру, – сказал Терренс. – При всем уважении, у вас не сериал, а кавардак какой-то. В одной и той же серии персонажи сначала плавают по рекам Древней Месопотамии, а потом в следующей сцене уже лазают по марсианским кратерам. Что вдохновило вас на создание такого шоу?

– Я всегда любил научную фантастику и историю, и никто до сих пор не совместил их, по крайней мере, так хорошо, как надеялся это сделать я. – Дэмиен взлохматил себе волосы. – Сначала я писал главную роль для себя, но потом решил, что она мне не подходит. И сказал студии, что лучше уж я останусь за кадром и всю свою творческую энергию вложу в сценарий.

– Ясно. – Терренс сделал себе пометку. Судя по всему, ответ его не слишком впечатлил.

– Следующий вопрос задаст Кайли Триг, – продолжил диктор.

Блогеру Кайли Триг зрители зааплодировали так, будто она сама была звездой сериала. Кайли встала и замахала своим поклонникам, как на конкурсе красоты. Это была девушка лет под двадцать с ярко-синими волосами, в очках «кошачий глаз» и в радужной балетной пачке. Одним своим видом Кайли могла повергнуть в шок.

– Приве-е-ет, чудики! – крикнула она в микрофон бодро, как младенец под кокаином. – Как же здорово вернуться на «ЧудоКон»!

Еще недавно Кайли сама была одной из суперфанаток «Чудо-ребят» и бегала за актерами во время гастролей от аэропорта к аэропорту и от отеля к отелю. Затем завела видеоблог, в котором рассказывала о своих мимолетных встречах с ними (порой приукрашивая правду) и стала набирать собственный фандом. Сериал становился все популярнее, а вместе с ним – и Кайли.

Теперь она стала одним из самых известных блогеров YouTube и автором бестселлера «Откровения фанатки: история чудо-любви», который выпустило издательство «Харпер Коллинс». Если верить журналу «Форбс», денег у Кайли Триг было больше, чем у всех актеров «Чудо-ребят» вместе взятых.

Что любопытно, успех «Чудо-ребят» вскружил голову Кайли сильнее, чем всем, кто над этим сериалом работал. Девчонка, которая когда-то часами ждала под дождем, только чтобы мельком увидеть Кэша, Эми и Тоби, теперь ходила на мероприятия «Чудо-ребят», только если ей платили за это шестизначную сумму и доставляли частным самолетом. По мнению Кэша, Кайли Триг стала американской мечтой нового поколения.

– Мой вопрос – для Кэша и Эми, – сказала Кайли. – Что ждет Персикон? И любите ли вы его так же сильно, как персиконцы?

Кэш уставился на Кайли так, будто она говорила на иностранном языке. При этом он специально старался не показывать своих чувств, чтобы его лицо потом в очередной раз не превратили в отвратительный мем.

– Э? – спросил Кэш. – Кто такие «персиконцы»?

Кайли игриво закатила глаза, будто он спросил, натуральный ли у нее синий цвет волос.
– Шипперы, которые шипперят доктора Персико и доктора Конфузера, – сказала она. – Наверняка ты видел хэштеги.

– Я думал, они зовутся «консиканцы», – ответил Кэш.

Кайли покачала головой.

– Нет, мы уже поменяли название.

Терренс Уоллер изумленно на них смотрел. Он понятия не имел, что они несут. Эти «консиканцы» и «персиконцы», что бы это ни было такое, определенно не годились для зрителей-детей.

– Мы с Кэшем очень рады, что столько людей переживают за отношения между нашими персонажами, – встряла Эми, пытаясь успеть хоть что-то сказать до конца конвенции.

– Так сойдутся они в следующем сезоне или нет? – наседала Кайли. – Кэш?

Вопрос был непростой, особенно учитывая, что Кэш не знал ответа. Шипперы были самой активной частью фандома «Чудо-ребят». Если им понравится ответ Кэша, они завалят ему соцсети картинками, видео и гифками, на которых доктор Конфузер с доктором Персико целуются или нежно смотрят друг на друга. Если не понравится – картинками, видео и гифками, на которых люди испражняются, животным отрывают головы и боевики разрушают бесценные культурные памятники. Нужно следить за языком.

– Ну, они то сходятся, то расходятся с пятого сезона, – сказал Кэш с нервной дрожью в голосе. – Так что, раз уж в прошлом сезоне они в основном были врозь, то в этом, видимо, будут вместе опять.

Его ответ бальзамом излился в уши зрителей. Шипперы вскочили и зааплодировали. Для них это был миг торжества, как если бы команда из их родного города выиграла Суперкубок.

– Следующий вопрос – снова от Дженнифер Смоллс, – продолжил диктор.

Дженнифер развалилась в кресле и закинула голову, будто змея, готовая к прыжку. Кэш мысленно сжался в комок, ожидая яда.

– Мой вопрос снова к Кэшу, – сказала Дженнифер. – За последние несколько недель множество людей писали мне в Твиттере о том, что видели, как ты вываливаешься из баров и танцуешь пьяные пляски в клубах. Голливуд доконал тебя? Ты наконец решил променять репутацию пай-мальчика на амплуа плохого парня?

Весь зал замолк. Видимо, девушку из журнала сплетен вытащить можно, а вот журнал сплетен из девушки – никогда. К ужасу Кэша, за него ответил Дэмиен:

– Люди забывают, что за кадром Кэш – всего лишь обычный двадцатидвухлетний паренек, он еще очень молод, – сказал Дэмиен. – Пока все остается в пределах разумного, он может развлекаться сколько хочет.

Кэш повернул голову к Дэмиену так резко, что чудом не сломал себе шею. Он никогда еще не слышал слов таких добрых и одновременно таких лицемерных. Кэшу захотелось облить Дэмиена водой, просто чтобы посмотреть, не растает ли тот.

– Я бы и сам лучше не сказал, – заявил Кэш. – «Сделал дело – гуляй смело» – это мой девиз.

– Следующий вопрос – от Терренса Уоллема. – Диктор попытался сменить тему.

– Что, опять? Ну ладно... – Терренс быстро придумал новый вопрос. – Сколько еще сезонов «Чудо-ребят» мы увидим?

Зрители замерли. Будь их воля, сериал бы не кончался никогда. Большинство из них смотрели «Чудо-ребят» всю свою жизнь – а для некоторых сериал и был всей жизнью. Они просто не могли представить себе мир без него. Потерять его было все равно что лишиться близкого человека, а то и хуже.

– Пока вы смотрите сериал – мы будем с вами. – Тоби потряс кулаком.

– Мы так же любим чудиков, как и они нас. – Эми отбросила назад волосы.

На короткий миг Кэш захотелось рассказать зрителям то, о чем он чуть не заикнулся в фойе. Узнав, что в десятом сезоне «Чудо-ребят» его не будет, фанаты придут в отчаяние, но разболтать такое целому миру прежде, чем обговорить с продюсерами... Это была бы сладкая, очень сладкая месть. Но, оглядев зал, полный поклонников, нетерпеливо ожидающих его ответа, Кэш не решился сказать правду.

– Ага... точно, – добавил он и уставился на свои руки.

Толпа радостно взревела в ответ, но Кэш углубился в мысли и ничего уже не слышал.

По правде говоря, отношения Кэша с фанатами были для него важнее всего на свете. Он занимался тем, что ему нравилось, дарил людям много радости, и ничего лучше в жизни с ним еще не происходило. Ради этого запросто можно было потерпеть все то дерьмо, что приносила ему известность. Цинизм же служил Кэшу защитой, потому что значить так много для стольких людей было нелегко.

Кэш очень боялся разочаровать чудиков и знал, что, когда он уйдет из сериала, они будут безутешны. Как и он сам, увидев, что их любовь к нему исчезнет и превратится в боль и гнев. К несчастью, это было неизбежно.

Впрочем, Кэша расстраивал не столько грядущий уход, сколько причина, по которой он должен был уйти. Поделаться Кэш ничего не мог – если правда откроется, о ней очень быстро узнают все, и его жизнь изменится навсегда. Все те неудобства, что мешали ему жить сейчас, даже рядом не стояли с той катастрофой, что ждала впереди.

У Кэша Картера была тайна, которую он скрывал от всего мира. И, к сожалению, он знал, что не сможет хранить ее вечно.

Глава 2. Памятное лето

Веселье «ЧудоКона» разлетелось далеко за пределы конвент-центра в Санта-Кларе. Во всех уголках мира фанаты дотошно обыскивали Интернет в поисках панелей, выставок и самодельных костюмов с конвенции. Коллективным успехам чудиков могли бы позавидовать ФБР и ЦРУ.

В Даунерс-Гроув, пригороде Чикаго, недавний выпускник школы Тофер Коллинз приклеился к ноутбуку, как к аппарату гемодиализа. Он раскапывал недра социальных сетей и, как киберманьяк, с воодушевлением разглядывал фотографии незнакомцев. В каждом браузере он наоткрывал вкладок с фанатскими блогами и обновлял страницы каждые двадцать секунд, ожидая последних новостей. Google-оповещения постоянно уведомляли его о событиях на конвенции, и почтовый ящик без конца звякал, как погремушка в руках младенца.

Тофер был очень высокий, и за столом ему пришлось сгорбиться, как взрослому человеку за детским столиком. Он мог бы играть в баскетбол, если бы не был таким неуклюжим (новорожденные жирафы и то получше дружили с координацией). К счастью, ум Тоферу достался недюжинный, и медаль за успехи в учебе гордо красовалась в его спальне рядом с самым ценным приобретением – постером шестого сезона «Чудо-ребят» с автографами актеров.

Тофер обновил страницу с блогом «Клады фаната» и как зачарованный уставился на очередное фото с конвенции. Роскошная блондинка была одета Королевой нордических пришельцев из пятого сезона. Ее комбинезон, до неприличия обтягивающий, состоял из вручную приклеенных к коже блесток. Обнажено было почти все, что только можно, и гормоны Тофера тянулись к блондинке, как скрепочка к магниту. Он так близко наклонился к ноутбуку, что видел пиксели на экране.

Внезапно перед Тофером вспыхнуло уведомление о видеозвонке, и он чуть не заработал сердечный приступ. Джоуи Дэвис, приятель Тофера, звонил ему из собственной спальни, что находилась всего в паре кварталов.

– Здорово, – сказал Джоуи. – Я тебя напугал, что ли?

Джоуи был темнокожим, невероятно красивым, и, в отличие от Тофера, с координацией у него все было в порядке. Он был капитаном команды по хип-хопу с девятого класса, играл главные роли во всех школьных пьесах и мюзиклах, а недавно его даже избрали королем выпускного. Джоуи любили просто все без исключения, и каждый при встрече с ним не мог удержаться от улыбки. Насколько Тоферу было известно, только преданную любовь к «Чудо-ребятам» и можно было худо-бедно назвать единственным изъяном Джоуи.

– Чувак, ты видел ту тетку с конвенции, которая в костюме Нордической Королевы? – спросил его Тофер. – Просто секс! Сейчас ссылку кину.

Джоуи взглянул на фотографию и громко фыркнул.

– Бро, ты прежде чем шишку точить, сначала хотя бы описания читай. – Он расхохотался. Тофер быстро прочел подпись под фотографией.

– «Тимоти»?! – изумился он. – Это что, мужик? Кошмар, да я уже мысленно сцены независимого французского кино с его участием прокручивал!

– Наверняка Тим был бы польщен, он явно много труда вложил в этот образ. – Джоуи пролистал блог до конца. – Нет, ну вот ты мне скажи, где все эти люди работают? Откуда у них деньги на такие костюмы? У фанатов бюджет лучше, чем у сериала, точно.

– Это да, – согласился Тофер. – Я видел парня, одетого киборгом, – так у него к телу были настоящие плазменные экраны приделаны.

– Рядом с таким наши костюмы андроидов с «ЧудоКона» 2015-го – просто дно, – сказал Джоуи. – А мы ведь часами их собирали. У меня до сих пор шрамы от клеевого пистолета.

На экранах обоих возник еще один видеозвонок. Это была Сэм Гибсон, и звонила она с другого конца города. Сэм была маленькой и изящной, красивой безо всякой косметики и с очень короткими темными волосами. На ней до сих пор была желтая униформа и кепка – Сэм подрабатывала в «Замороженном йогурте “Yolo”».

– Я с самой работы до дома бегом неслась! – выдохнула Сэм. – Пыталась на перерыве посмотреть блоги, но сигнал не ловил. Что я пропустила? Спойлеры по десятому сезону есть?

– Пока ничего крышесносного, пара фоток реквизита и костюмов, – ответил Тофер. – Кайли Триг даже до сих пор рекап панели не запостила.

– Да она как набрала десять миллионов подписчиков, так и не запаривается, – пробурчала Сэм. – А во сколько собирается?

– Твитнула, что примерно в пять по калифорнийскому времени. У нас уже десять минут восьмого, так что вот-вот должна, – сказал Джоуи.

– И даже видео с панели до сих пор никто не слил? К этому времени уже бывает много, – спросила Сэм, торопливо раскапывая Интернет в поисках новостей.

– Парочка, но там все так орут и трясутся, что ничего не слышно и не видно, – ответил Тофер. – Похоже то ли на концерт Бибера, то ли на стихийное бедствие.

– Что, в общем-то, одно и то же, – съехидничал Джоуи.

Сэм принялась дергаться в кресле и махать руками, будто у нее случилось собственное локальное землетрясение.

– Ну когда же, ну когда? – воскликнула она. – Пусть только попробуют не дать нам хоть немножко подсказок о том, что будет дальше. Я с финала сезона спать не могу! Обязательно было в самом конце оставлять доктора Конфузера в гнезде рептилоидов на Кеплер-186, а Перси́ко – на суде над сале́мскими ведьмами? Голливудская жесть какая-то!

Третий видеозвонок появился на экранах. Морико Исикава (или Мо, как друзья звали ее с начальной школы) сердито смотрела на них, скрестив руки на груди. Обычно Мо так и излучала энергию, но сейчас окаменела в холодном негодовании.

– Вы, конечно, извините, но я уже три дня как выложила четвертую главу фанфика по «Чудо-ребятам», и никто из вас, придурков, даже не почесался оставить комментарий! – сказала она.

Тофер, Джоуи и Сэм виновато уставились в камеру. Мо напоминала им об этом по два раза за час, а они все равно ухитрились забыть.

– Прости, Мо, я всю неделю подавала богатеям холодное сладкое забродившее молоко, – сказала Сэм. – Сегодня перед сном прочту, обещаю.

– А я с Билли возился, – сказал Тофер, имея в виду своего младшего брата. – Гляну потом.

– А я к этим вашим фанфикам ни за что больше близко не подойду, – заявил Джоуи непреклонно. – Фанфики – страшная вещь, особенно твои. Последний твой рассказ меня на всю жизнь травмировал. Я даже не знал, что на свете есть *столько* эпитетов, которыми можно описать лобок Тоби Реймоса.

– Да не заставляю я вас их читать! – возразила Мо. – Просто зайдите и напишите что-нибудь в комментарии. Чем больше будет комментов, тем больше читателей. Я подписчиков себе набираю, проявите уважение, что ли!

– Ладно, ладно, – расхохотался Джоуи. – Угомонись, вот прямо сейчас придумаю что-нибудь. О чем там твой фанфик-то?

Мо заправила волосы за уши и выпрямилась, будто пришла на ток-шоу рассказать о своей работе.

– Это история, написанная в стиле Николаса Спаркса, повествует о развитии сексуальных отношений Персикона, – объявила она. – Все начинается с того, что доктор Конфузер и доктор Перси́ко путешествуют по галактике Андромеда и случайно терпят крушение на пла-

нете, где запрещены любые телесные контакты. Поначалу они безропотно подчиняются законам инопланетного мира, но со временем взаимное и неумолимое влечение между ними ощущается все сильнее. Напряжение растет с каждым часом. Их поглощает животное желание! Вскоре соблазн становится слишком велик! Они просто вынуждены признаться друг другу в бессмертной любви языком, говорить на котором способны лишь их тела!

– Господи боже, Мо! – рассмеялся Тофер. – Прими холодный душ!

– Все в точности как в твоём предыдущем фанфике, – заметила Сэм. – Ты кроме Персикона вообще хоть о чем-нибудь думаешь? Ты же в курсе, что этот пейринг на подсознательном уровне принижает женщин?

Писательница мотнула головой и картинно закатила глаза. Она триста раз объясняла друзьям смысл своих трудов, но они все равно не понимали.

– Да не про Персикон я на самом деле пишу, я просто использую их, чтобы набрать читателей, – сказала она. – А как получу договор на книгу, поменяю имена и локации, чтобы не засудили, и привет – собственная франшиза! Смейтесь сколько хотите. Над Э.Л. Джеймс тоже наверняка смеялись, и посмотрите, кто она теперь благодаря фанфикам!

– Так, я написал комментарий к четвертой главе, – сказал Джоуи.

– Супер! Джоуи, ты лучший! – Мо радостно проверила список комментариев и тут же выразительно нахмурилась. – Ты написал только «Красивые эпитеты». Серьезно? И все?

– Ты у нас тут писатель, – возразил Джоуи. – Может, сама будешь сочинять себе отзывы, а мы просто будем их постить?

Сначала Мо только отмахнулась, но потом задумалась.

– Между прочим, это гениально, – сказала она. – В иное время я бы отказалась от такого жульничества, но фанфики – это как гребаные Голодные игры: выживают хитрейшие. Проверьте сегодня почту, ребят, я вам вышлю комментарии.

Всем было любопытно и страшно узнать, что же такого Мо заставит их написать, но поддерживать друг друга они всегда были рады – даже в жестоком мире фанфиков.

Тофер, Джоуи, Сэм и Мо были очень и очень разными, но оставались лучшими друзьями с самого пятого класса. Все началось в 2010 году на игровой площадке школы Шистер, когда все они оделись на Хэллоуин в костюмы доктора Конфузера. Для пятиклашек этот момент стал поистине волшебным – примерно как в «Вестсайдской истории», когда Тони видит Марию через весь танцпол. До тех пор умением заводить друзей и вписываться в коллектив они похвастаться не могли, поэтому обнаружить других фанатов того же сериала были очень рады. Это и связало их неразрывными узами и подарило много лет веселья.

Последние семь лет каждую среду в восемь часов неожиданный квартет собирался в заранее оговоренном месте и смотрел новую серию «Чудо-ребят». Всю оставшуюся неделю они бурно обсуждали сюжет, разбирали его на кусочки, гадали, что будет в следующей серии. Традиция повторялась неделя за неделей, месяц за месяцем, пока финал сезона не спасал их от мук. (Если только, конечно, сезон не заканчивался жесточайшим клиффхэнгером, тогда им предстояло страдать до самого нового сезона.)

Их страсть к такой необычной телепрограмме вызвала вопросы и смешки у всех знакомых, но для них самих «Чудо-ребята» были далеко не простым сериалом. Он стал их первым воспоминанием о настоящем восторге, он подарил смысл их детству. Он увлек их за собой в инопланетные и познавательные приключения, показал им целый мир за пределами серых улиц Даунерс-Гроув. И, что важнее всего, именно он подарил им дух товарищества и ощущение нужности, которое раньше им было неведомо. Сериал стал краеугольным камнем и движущей силой их дружбы, и ребята надеялись, что он будет продолжаться еще много лет.

«Чудо-ребята» познакомили Тофера, Джоуи, Сэм и Мо не только друг с другом, но еще и со множеством ярких чудиков со всего света.

На экранах появился еще один видеозвонок от их друга по переписке Дави – тринадцатилетнего мальчика из Макапы, Бразилия. Он был худой, со светло-коричневой кожей и большими, как у лани, глазами. За его спиной они видели волны у бразильского побережья, сверкающие в лунном свете.

– Привет, Дави! – сказали все хором.

– Olá, мраскуды, – поприветствовал их Дави – он еще не освоил американские ругательства в совершенстве. – Поздравляю с «ЧудоКоном»! Извините, что только сейчас к вам присоединился. В интернет-кафе такая толпа, что хоть умри.

– А какую серию сейчас показывают в Бразилии? – полюбопытствовала Сэм. – Доктор Конфузер уже добрался до Кеплер-186?

– Нет, они с профессором Везуччи до сих пор вместе с генералом Паттоном воюют с нацистами, – отозвался Дави. – Скоро будет космос, да? Хорошо, а то эту американскую историю не разберешь.

– Ты только погоди, – поддразнила его Сэм. – Клиффхэнгер девятого сезона тебе мозг вынесет!

Почта Тофера звякнула уведомлением с YouTube.

– Ребят, Кайли Триг запостила рекап! – объявил он. – Давайте вместе посмотреть. На счет три жмем «Воспроизвести».

– Нет, погодите, нужно Худу подождать, – перебила Мо. – Она очень расстроится, если мы посмотрим без нее.

– У них там три утра сейчас, – ответил Джоуи. – Она наверняка спит.

В это мгновение Худа, будто бы все это время ждала приглашения, появилась на экране пятой. Это была пятнадцатилетняя девочка-мусульманка из Саудовской Аравии. У нее было круглое лицо и большие щеки с очаровательными ямочками. Худа жила на другом краю света, но ее знания американской поп-культуры и голливудских сплетен всегда поражали. Худа знала все последние новости.

– Только не говорите, что посмотрели рекап Кайли без меня! – воскликнула она, придвинувшись к камере почти вплотную.

– Привет, Худа, – сказал Тофер. – Ты очень вовремя. Мы как раз собирались пойти на YouTube и посмотреть вместе.

– Стойте! – возразила Худа. – Тут всё цензурят, у меня YouTube нет. А можешь включить рекап у себя на айпаде и держать у камеры, чтобы мы все смотрели? Пожалуйста-пожалуйста?

– Пойдет, – сказал Тофер и запустил видео на айпаде.

– Худа, если кругом такая цензура, откуда ты вообще знаешь про видео? – спросил Джоуи.

Худа опасливо огляделась, проверяя, не подслушивает ли кто.

– Антицензурная сеть чудиков, – прошептала она. – Как только в фандоме «Чудо-ребят» происходит что-нибудь важное, чудики из Мексики пишут чудикам из Пуэрто-Рико, а они – чудикам на Кубе, а они – чудикам в Японии, а они – чудикам в Китае, а они – чудикам в России, а они – чудикам в Турции, ну а они – чудикам в странах Среднего Востока, в том числе мне в Саудовской Аравии. Система очень сложная и потребовались годы, чтобы ее наладить, но файрволы мы теперь сносим, как башенки в дженге.

Остальные восхитились такой секретной и хитрой системой сообщества чудиков, но вовсе не удивились. Это просто лишний раз доказывало официальный слоган аудитории «Чудо-ребят» – «Где есть чудик, там есть выход».

– С ума сойти, Худа, – сказала Мо. – Если бы в дипломатии все было устроено так же хорошо, как в фандоме, никаких войн больше бы не было никогда.

– Видео Кайли прогрузилось! – объявил Тофер. – Включать?

– Да! – закричали все и приникли к экранам.

Тофер нажал на кнопку воспроизведения и поднес айпад к вебкамере. За три минуты видео уже успело набрать четыре миллиона просмотров. Ребята мучительно ждали, когда закончится пятнадцатисекундная реклама энергетического напитка «Вишневый инсулин» и стандартное тридцатисекундное вступление к видео Кайли (в котором она напевала отвратительную музыкальную тему и подыгрывала себе бубном).

Наконец началась свежая запись с Кайли, вальяжно развалившейся в шезлонге в президентском люксе отеля Санта-Клары.

– Че-е-е-е как, чудо-шлюшки? – воскликнула Кайли. – Новая серия «Триговоров» в эфире! Как у меня дела? Да нескучно, скажу я вам. Только вернулась с панели актеров и создателей «ЧудоКона» 2017... Мелочи жизни... Вкусных блюд у нас впереди больше, чем на королевском приеме, но прежде позвольте ответить на главный вопрос моих подписчиков: Кэш Картер подтвердил, что в следующем сезоне «Чудо-ребят»... Персикон жив, сученьки!

Кайли затрясла маракасом и принялась болтать ногой у себя над головой, как человек-вертолет. Мо и Худа пискнули так громко, что чуть не вынесли Тоферу динамики.

– А вот и остальные подробности панели, которые вам нужно знать, – продолжила Кайли. – Сначала про актеров. Тоби Реймос будто насосом накачался, ух, как бы я шлепнула его по заднице, если бы не боялась, что он меня раздавит. Заметочка для Эми Эванс: когда делаешь селфи на сцене, уж постарайся, чтобы зрители могли себя на ней отметить – это называется «хорошие манеры». Кэш Картер нынче изображает похмельный пофигизм в стиле Роберта Паттинсона, но, признаться, получается так себе. К слову, когда я спросила про Персикон, он со мной заигрывал только так – хотя что тут удивительного, каждый год одно и то же.

– Давай уже про десятый сезон, маньячка ты переоцененная! – завопила Сэм от имени всего фандома.

– Неохота хвастаться, но только я одна вела панель по-человечески, – продолжала Кайли. – Меня поставили с нудным стариканом из «Hollywood Reporter» и Дженнифер Как-ее-там из «Entertainment Weekly». Ей хватило наглости припомнить Кэшу его последние выходки. Да, мы все об этом волнуемся – я сама в прошлом видео проводила скорбное бдение со свечами на эту тему – но есть вещи, которые на «ЧудоКоне» не обсуждаются! В общем, обстановка изрядно напряглась, но, к счастью, Циммер все разрулил. А теперь о том, что мы узнали про десятый сезон...

– Наконец-то! – выдохнул Джоуи.

– Актеры подтвердили, что сериал будет продолжаться столько, сколько мы будем его смотреть, так что можно расслабить булки – да, я это тебе говорю, Чудо-Джейн-97, – сказала Кайли. – Профессора Везуччи, однако, осенью в трех сериях не будет, потому что Тоби Реймос подписался на пересъемки «Мотылька» – видимо, «Уорнер-Бразерс» уже сейчас знают, что придется что-то переснимать. Кстати, если вы не в восторге от сюжетной линии на Кеплер-186, мои соболезнования – рептилоиды останутся в сериале до середины сезона.

– Рептилоиды вернулись? Да как так?! – Дави обхватил голову руками.

– Это как раз тот твист финала сезона, про который я говорила, – сказала Сэм.

– Не говорите про финал! – взмолилась Худа. – Чудики из Турции мне его до сих пор не прислали!

– Циммер сказал, что в сезоне будут три неожиданные приглашенные звезды, – сказала Кайли. – Он не уточнил кто, но намекнул вот так: у одного есть Оскар, у другого Грэмми, а у третьего – секс-видео. Еще он обещал фанатам, что не будет больше вписывать в сюжет роль для самого себя или устраивать очередное воссоединение каста «Кто в доме родитель». Седьмая серия была для него таким же кошмаром, как и для нас – хотя он, конечно, выразился иначе. Что ж, на сегодня это все, чудо-шлюшки. Подключайтесь завтра на рекап «Постпроизводственной панели «Чудо-ребят». И если вы до сих пор не подписались на мой канал – убейте об стену. Всем мир!

Видео Кайли закончилось все той же кошмарной песней, но, к счастью, Тофер успел быстро ее выключить. Все его собеседники притихли и замерли, переваривая слова Кайли. А переварив, тут же принялись радостно шуметь, заражая друг друга восторгом, как дешевые фейерверки, поджигающие один другой.

– Обалденно! – воскликнул Джоуи. – Интересно, как они выпишут профессора Везуччи из сюжета на три серии!

– Или кто будут эти приглашенные звезды! – добавила Сэм.

– Поверить не могу, что до сезона еще восемьдесят один день! – сказала Мо. – Это же чуть ли не беременность!

– Я тебя умоляю, – возразила Худа. – Это мелочь, если сравнить с тем, сколько ждать придется мне. Я спасибо если девятый сезон к тому времени досмотрю.

– Но рептилоиды?! – простонал Дави. – Они надо мной раскалываются, что ли? Ненавижу рептилоидов!

Тофер был с ними во всем согласен, вот только его друзья упустили самую лучшую новость «ЧудоКона».

– Я просто рад, что сериал продолжится, – сказал Тофер. – Это очень кстати.

За углом поджидал выпускной, и очень скоро Тоферу, Джоуи, Сэм и Мо предстояло расстаться и разъехаться по разным колледжам. Тофер оставался в Даунерс-Гроув и поступал в техникум, Джоуи – в Баптистский университет Оклахомы на факультет сценического искусства, Сэм уезжала поступать в Род-Айлендскую школу дизайнера, а Мо – в Стэнфорд, учить экологию.

Несмотря на разные города, они все равно были твердо намерены сохранить традицию просмотра «Чудо-ребят» по средам – просто через интернет. И теперь, зная, что сериал еще будет продолжаться, прощаться было легче. А поскольку времени до разлуки оставалось мало, Тофер, Джоуи, Сэм и Мо собирались провести его с толком.

– Ну как вы, ребят, радуетесь поездке? – спросила Худа. – Уже завтра отбываете?

– Что за поездка? Вы ничего не говорили! – возмутился Дави.

– Хвастаться не хотели. Но будет очень круто, – сказал Джоуи. – Родители с деньгами помогли, в подарок на окончание школы.

– Говори за себя, – поправила Сэм. – Мне пришлось летом работать, чтобы оплатить свою часть.

– Это Тофер все спланировал! – добавила Мо. – Его мама даже одолжила нам свой микроавтобус.

– И куда вы едете? Надолго? Подробностей жажду! – потребовал Дави.

Тофер, рассказывая интернет-друзьям о грядущем маршруте, потирал руки. Как преступный гений, планирующий захват мира.

– На две недели, – начал он. – От Иллинойса до Калифорнии. Первые пять дней будем смотреть придорожные достопримечательности, исторические памятники, национальные парки. Увидим самый большой в мире резиновый клубок, Ворота Запада, музей Льюиса и Кларка, Национальный лес имени Марка Твена, тюрьму Банди и Клэр, Наблюдательную башню НЛО, Диномир, Окаменелый лес, Аризонский кратер, Гранд-Каньон и пирс Санта-Моники. В Санта-Монике пробудем четыре дня, посмотрим Лос-Анджелес, потусуем в Голливуде и отправимся в эксклюзивный тур по локациям «Чудо-ребят» на студии Саншайн!

– Да вы задеваетесь! – воскликнул Дави.

– Зависть! – добавила Худа.

– Вот бы и вы с нами поехали, – сказала Сэм.

Мо вдруг пискнула, да так, что все подпрыгнули. Слова Тофера напомнили ей кое о чем важном, что она должна была сделать до отъезда.

– Мо, ты чего? – спросил Джоуи. – Кто-то написал гадость про твой фанфик?

– Нет, я только сейчас поняла, что даже не собрала вещи! – сказала Мо.

– Блин, а я ведь тоже, – охнул Джоуи. – Пора идти, постирать кой-чего. Во сколько встречаемся утром?

– В десять утра ровно, – сказал Тофер. – И не тормозить, а то все расписание сорвется.

– Так точно, капитан. – Джоуи отсалютовал ему. – До утра, ребят!

– Пока, Худа, пока, Дави! – Мо послала им воздушный поцелуй.

Мо и Джоуи исчезли с экранов. Временные пояса Дави и Худы уже потихоньку брали свое, и те начали зевать, как новорожденные щеночки.

– Мне тоже пора, – сказал Дави. – Здесь гадски поздно, и кафе вот-вот закроется.

– А я перед завтраком еще посплю, – сказала Худа. – Удачной вам поездки! Постите побольше фоток – мой контакт в Турции будет мне их присылать!

Зарубежные чудики отключились, и в чате остались только Тофер и Сэм. Обычно так всегда и бывало, и иногда они продолжали болтать почти до рассвета. Против Джоуи и Мо Тофер ничего не имел, но этих часов наедине с Сэм всегда ждал с нетерпением.

– Ну и ночь, – сказала она. – Я так разнервничалась, что вряд ли смогу поспать как следует.

– Ничего, я завтра первый поведу, – сказал Тофер. – Поспишь в машине, если что.

Тофер никогда бы в этом не сознался, но в Сэм он влюбился еще в восьмом классе. Пять лет он упрямо это отрицал и беспрестанно боролся со своими чувствами, как с симптомами простуды – но ничто не способно было излечить его от Сэм. Было в ней что-то такое, чего Тофер больше ни в одной девчонке не видел – нечто очень близкое, отчего разговаривать с ней было легко, а рядом находиться – весело. Он был уверен, что таких, как Сэм, на свете больше нет.

Тофер не раз подозревал, что Сэм отвечает ему взаимностью, но из нее сложно было что-нибудь вытрясти. Они были очень близки, но Сэм не любила раскрывать свои чувства. Возможно, именно это Тоферу и нравилось в ней больше всего – Сэм была загадкой, которую нужно было разгадать.

– Скорей бы поездка, – сказала она. – Но все же и грустно немного, правда? Через пару месяцев мы будем очень далеко друг от друга. Каждый раз я расстраиваюсь, когда об этом думаю.

– Я понимаю, – согласился Тофер. – Но представь себе все это вот как – наша банда не распадается, у нас просто творческий отпуск перед неминуемым возвращением.

Сэм мягко ему улыбнулась, и Тофер растаял.

– Да, неплохо, – сказала она. – А поездка – не прощальный тур, а просто подготовка к новым приключениям. И спасибо еще раз, что все продумал. Это очень много значит для нас всех.

– Да ерунда, – ответил Тофер. – Это будет памятное лето.

– Вот уж точно, – сказала Сэм. – Ладно, пойду и я попробую поспать. Спокойной ночи, увидимся утром!

– Спокойной ночи, Сэм.

Она отключилась, и на экране Тофера осталось лишь его собственное отражение. Только теперь он ощутил, как его начинает затягивать пучина одиночества. В Даунерс-Гроув оставался он один, и грядущее прощание было для него тяжелее всего. Остальные двигались вперед так, как он не мог – Тофер будто был птенцом, который так и остался в гнезде.

Изначально оставаться в Даунерс-Гроув Тофер не собирался. Он подал документы, поступил в Массачусетский технологический институт и очень ждал, когда же сможет отправиться туда осенью. Кроме того, Массачусетс был недалеко от Род-Айленда, где собиралась учиться Сэм, и это было очень кстати. Но у жизни, к сожалению, были другие планы.

В дверь Тофера робко постучали.

– Открыто, – сказал он.

Мама Тофера, Шелли Коллинз, вошла в комнату. Она уже надела форму, готовясь к ночной смене в отеле.

– Привет, – сказала она. – Надеюсь, я не помешала вашему «ЧудоФесту».

– Мам, в сотый раз повторяю, он называется «ЧудоКон», – вздохнул Тофер. – И нет, мы только что закончили.

– Точно, «ЧудоКон», прости, – сказала Шелли. – В общем, я на работу. Билли уже спит наверху, так что укладывать его не надо.

У двенадцатилетнего брата Тофера был церебральный паралич, и большую часть своей жизни он был прикован к инвалидному креслу. И хотя Билли с трудом мог говорить и не мог самостоятельно есть, мыться, одеваться и ходить в туалет, инвалидом и калекой Тофер бы ни за что его не назвал. Билли был самым счастливым и любящим ребенком из всех, кого Тофер видел в жизни. Он при каждом случае смеялся и улыбался, даже когда причин для улыбок и смеха не было вовсе. Словно Билли знал некую тайну, не известную больше никому на свете.

– Ладно, зайду к нему перед сном, – сказал Тофер.

– Спасибо, милый, – ответила Шелли, но задержалась на пороге.

– Ты еще что-то хотела сказать? – спросил он.

Явно хотела – по взгляду мамы Тофер понял, что ей нужно поделиться с ним чем-то важным. Шелли села на кровать.

– Мне очень стыдно, что я так и не поговорила с тобой, – сказала Шелли. – Ты столько делаешь для брата... для всей нашей семьи... Никто и никогда не должен был требовать от тебя такого.

– Мам, перестань, – возразил Тофер. – Если бы я уехал в колледж, тебе одной пришлось бы очень трудно с Билли. Папе в Сиэтле еще два года преподавать – я запросто успею получить расширенное образование здесь и уехать в университет посolidнее, когда папа вернется. А в перспективе даже и намного дешевле получится.

– Логично еще не значит правильно, – Шелли посмотрела на его медаль за отличие. – Ты в школе так трудился, чтобы поступить в хороший колледж. Я не хотела, чтобы брат как-то тебя задерживал и из-за этого ты потом злился на него.

Тоферу приходилось заботиться о Билли, но он никогда не злился на брата. Да, жить с человеком с особыми потребностями было тяжело и утомительно, и другим людям было просто не понять, каково это. Но злился Тофер только на людей, которые притворялись, что понимают, – или, хуже того, даже не пытались.

В каком-то смысле Тофер даже был благодарен брату. Жизнь с человеком, которому действительно приходилось очень трудно и который в самом деле был ограничен в действиях, научила Тофера по-особому воспринимать жизнь собственную. Да, Тофер был трудягой и перфекционистом – потому что считал, что нет на свете ничего, что могло бы помешать ему в этом. Все его обыденные проблемы казались мелочью в сравнении с тем, каково жилось его брату. И, зная, что однажды забота о брате ляжет на его плечи полностью, когда родителей не станет, Тофер никогда не позволял себе неудач.

Билли не просто не мешал успеху Тофера – именно он был ключом к этому успеху.

– Мам, я бы в жизни не стал винить Билли за это, – сказал Тофер. – Так решил я сам. И это даже не задержка, а просто другой маршрут. Массачусетский институт никуда не денется.

Шелли улыбнулась, но в глазах ее до сих пор читалось чувство вины.

– Не знаю, чем я заслужила такого сына, как ты, – сказала она. – Ладно, к слову о маршрутах – ты все собрал на завтра?

– Кажется, да, – ответил Тофер. – И спасибо еще раз, что позволила взять твою машину и отпросилась с работы, пока меня нет.

– Это меньшее, что я могу, – сказала Шелли и проверила часы. – Мне уже пора, а то опоздаю – пьянчуги с наркоманами сами себя не регистрируют. По пути домой заеду на заправку, чтобы завтра у тебя был полный бак.

Она поцеловала сына в лоб и уехала.

Тофер бы солгал самому себе, если бы сказал, что рад остаться дома и отказаться от колледжа. Впрочем, он понимал, что верное решение – не всегда самое простое. Этому научил его доктор Конфузер в одной из первых серий «Чудо-ребят».

Тоферу было немного стыдно за это, но даже в восемнадцать лет он все еще считал вымышленного доктора авторитетом, как и в детстве. Персонаж Кэша Картера всегда дарил ему силы и вдохновение. В трудную минуту Тофер спрашивал себя, что бы на его месте сделал доктор Конфузер, и всегда находил ответ.

И пусть персонажа не существовало на самом деле, Тоферу частенько хотелось выразить благодарность, и тогда он заходил на сайт CashCarter.com и писал актеру благодарственное письмо. Или так, или с его плакатом в спальне разговаривать.

Дорогой мистер Картер,

Это снова Тофер Коллинз из города Даунерс-Гроув, Иллинойс. Знаю, я тысячу раз писал вам об этом, но все же снова хочу поблагодарить вас за работу над сериалом. Я понимаю, что вы актер и потому не влияете на поступки своего персонажа. Но все же вы много лет замечательно исполняли его роль, и это очень повлияло на меня и моих друзей. Доктор Конфузер – наш герой, и за это мы благодарны вам.

«Чудо-ребята» объединили нас и они же помогут нам не разойтись. Недавно мы закончили школу и скоро разъезжаемся по разным колледжам. Не знаю, как бы мы сохранили нашу связь, если бы не встречи по средам, когда мы смотрим «Чудо-ребят». Уверен, быть знаменитым и работать над одним сериалом так долго нелегко, но прошу, знайте, что у вас есть поклонники, которые невероятно благодарны вам за все, что вы делаете.

Не хочу больше вас отвлекать, но просто на случай, если я буду слишком занят с учебой и не смогу вам больше писать – видеть вас на экране очень приятно, а взрослеть вместе с вами – большая честь.

Искренне ваш,

Тофер Коллинз

Даунерс-Гроув, Иллинойс

P.S. Мы завтра уезжаем в тур по стране. Если вы свободны, присоединяйтесь к нам! LOL.

Тофер решил, что на одно письмо нюней хватит, и отправил его. Он был уверен, что это письмо, как и множество тех, что он уже успел отправить Кэшу Картеру за последние годы, просто затеряется среди тысяч других. И все же приятно было благодарить его.

Тофер спустился проверить брата и обнаружил, что Билли заснул в своей любимой пижаме с капитаном Америкой. Он спал так сладко, что при одном его виде у Тофера начали слипаться глаза. Впереди ждал важный день. Тофер взял с кухни стакан воды и направился обратно к себе, собираясь ко сну.

Когда Тофер вернулся в спальню, первым, что он заметил, было уведомление на экране. Такого прежде не бывало – это было оповещение с сайта CashCarter.com о том, что его письмо доставлено... И актер ответил!

Сердце Тофера забилося как сумасшедшее и чуть не провалилось в желудок. Неужели это реальность? Он снова и снова перечитывал оповещение, но оно не исчезало. С ума сойти, и правда реальность! Тофер молнией кинулся к компьютеру, споткнулся о стул и на коленях

дополз до стола. Кликнул на ссылку уведомления и прочел ответ актера. Два слова изменили жизнь Тофера Коллинза навсегда:

Во сколько?

Глава 3. Что сказал медиум

Сэм Гибсон всей душой ненавидела чеснок. С понедельника по субботу в четыре часа в ресторане «Чесноголик», что находился этажом ниже, включали духовки, и едкий аромат просачивался в спальню Сэм через половицы. Он въедался в одежду, и скрыть его было невозможно никакими духами, а потому Сэм всюду носила его с собой, как вонючее клеймо.

Единственным оружием Сэм против чеснока была коллекция свечей, расставленных на подоконнике как на алтаре католической церкви. Их было много, со всевозможными ароматами. Сэм зажигала их сразу все, пусть порой от такой ядерной смеси у нее и начинала болеть голова. Но лучше уж так, чем нюхать амбре специального блюда с курицей, пастой и шестью десятками чесночных долек (которое заказывали каждый вечер, хотя Сэм и понаставила ему негативных оценок на Yelp).

Помимо прочего запах отпугивал любопытную мать Сэм и мешал ей копаться в вещах дочери – приятный бонус.

В глубине души Сэм была благодарна и назойливой маме, и чесночному ресторану. Чувствуя, как ее выкуривают из собственной комнаты и выслеживают, как трехлапую мышшь-полевку, она все больше мечтала поскорее убраться из Даунерс-Гроув к чертям собачьим. Сэм было жаль расставаться с друзьями, но до грядущего отъезда в Провиденс и поступления в Род-Айлендскую школу дизайна она считала дни.

Сэм была весьма одаренным творцом по двум причинам: она была талантлива и бедна. Очень рано Сэм поняла, что, если она хочет иметь красивые вещи, нужно включить воображение и сделать их самой. И на этом умении Сэм собиралась построить себе карьеру.

Больше всего приемную комиссию Род-Айлендской школы поразило портфолио Сэм, в котором она собрала фотографии самодельной мебели и рассказы о том, как она ее сделала.

«Свой уникальный дизайнерский стиль я бы назвала «мусорологическим декором», – написала Сэм.

«Основание и изголовье кровати я соорудила из деревянных ящиков, которые нашла на обочине. Над кроватью висят откидные книжные полки – я обнаружила в переулке корзины для покупок, покрасила их в красный и прибила к стене. Кресла раньше были половинами огромной шины, которую я прикатила со свалки. Затем выложила все изнутри подушками, а из колпака сделала кофейный столик. В спальне шкафа у меня не было, поэтому я переделала в гардероб старый холодильник, взятый из ресторана этажом ниже. Снаружи я покрасила его в бирюзовый, а внутри закрепила ручки от старой метлы и швабры, чтобы было куда вешать одежду.

Свет у меня в комнате был кошмарный, поэтому я взяла велосипедное колесо, обмотала гирляндой, лампочки заменила на пустые бутылки из-под ликера, чтобы усилить свет, покрасила все это в золотой, и получилась люстра, которой любая рок-звезда позавидует. Из старых чемоданов 50-х годов с чердака моего покойного дедушки я сделала стойку для проигрывателя и коллекции винила. Стену увесила обложками пластинок, и теперь «The Rolling Stones», «The Smiths», «The Knack», «Gang of Four» и «The Killers» берегут мою комнату, как рок-ангелы-хранители.

Мама недальновидно подарила мне свое трюмо. Она надеялась, что я не стану его переделывать, но я покрасила его в черный, побила цепью (это просто забавы ради), заклеила множеством автомобильных наклеек и теперь использую как компьютерный стол. Зеркала я не слишком люблю, поэтому стеклянный овал заслонила фотографиями друзей и журнальных вырезок о моем любимом сериале – «Чудо-ребята».

Достаточно было всего раз увидеть портфолио Сэм, чтобы стало ясно – талант у нее есть. (И еще было ясно, что ей очень нужны деньги, поэтому свое портфолио она прикладывала

к каждой заявке на стипендию). Впрочем, переработка предметов удобных форм и размеров была для Сэм не просто хобби. Возвращая к жизни вещи, от которых отказались другие, даря им новую цель, новую личность, Сэм и сама чувствовала себя лучше. Она только жалела, что преобразить саму себя ей было куда сложнее, чем всякий хлам – и простой краски для этого было мало.

– Ладно, пойду и я попробую поспать, – сказала она Тоферу. – Спокойной ночи, увидимся утром!

– Спокойной ночи, Сэм, – ответил он.

Стоило Сэм выключить компьютер, как в спальню без стука вошла ее мать, Кэнди Рей Гибсон. В одной руке она держала большой пакет, а в другой – коктейль с водкой и лаймом. Если когда-нибудь кто-то решит возвести в честь Кэнди памятник, без этих двух атрибутов он будет неправдоподобным.

– Боже правый, Саманта! – Кэнди поморщилась от запаха свечей. – Неужели обязательно зажигать все сразу? У тебя здесь как будто спиритический сеанс – непонятно только, пытаешься ты призвать мертвых или распугать живых.

– Мам, ты в мою частную жизнь вторгаешься, стучать надо, – сказала Сэм.

– Я тебя умоляю. – Кэнди закатила глаза. – Было бы во что вторгаться. Если однажды я застукаю тебя за косячком или порнушкой, прямо на месте умру от шока.

– Буду иметь в виду, – буркнула Сэм себе под нос.

Родство между Сэм и Кэнди Рей Гибсон отлично доказывало, что у бога извращенное чувство юмора. Сэм считала, что ее мать женственна настолько, что даже перебор. Кэнди всегда ходила с пышной прической, длинными ногтями, слишком ярким макияжем, а штанов не носила с 80-х. Она была мила, но не слишком умна, а людям часто напоминала большого кокер-спаниеля.

Кэнди работала парикмахером в местном салоне и всем клиентам во всех подробностях рассказывала, как ее всего в восемнадцать лет короновали мисс «Красоткой из Джорджии», – хотя никто особо не интересовался. По случайности как раз в то время она была беременна Сэм и поэтому плакать по необходимости у нее выходило гораздо лучше, чем у остальных конкурсанток. А уж потоп в ответ на вопрос про «мир во всем мире» так и вовсе гарантировал ее победу. Временами, когда Кэнди выпивала слишком много коктейлей, Сэм видела, как она вальсирует по квартире, нацепив свою старую корону и ленту.

– Что ты хотела? – спросила Сэм так, будто от присутствия матери ей было больно физически.

– Да я просто была в магазине и прикупила тебе одежды, думаю, в поездке как раз пригодится.

Кэнди вытряхнула пакет прямо на кровать дочери. К ужасу Сэм, внутри оказалась груда кофточек на бретельках, мини-юбок, кружевных лифчиков и неоновых трусиков. Для барбекю у Барби и Кена еще подойдет, но для поездки с друзьями – явно нет.

– Ты же прекрасно знаешь, что я лучше умру, чем нацеплю такое, – сказала Сэм.

– Неужели так сложно надеть в кои-то веки что-нибудь поярче? – спросила Кэнди. – Вся твоя одежда – как с гранж-концерта девяностых. У тебя фигура как у меня в твоём возрасте, неплохо бы и красоваться ей иногда.

– Я просто так одеваюсь, – сказала Сэм. – Мне так нравится, мне так удобно, и так будет всегда.

– Может, передумаешь еще. – Кэнди пожала плечами.

Преисполненная надежд парикмахерша многозначительно отвела взгляд, будто знала что-то, неведомое Сэм.

– Мам, у тебя опять глаза бегают, – сказала Сэм. – Если хочешь что-то сказать, говори уже.

– Хочешь правду? Ладно, пожалуйста, – выпалила Кэнди. – Я сегодня после работы зашла к медиуму на Четвертой улице. Она мне столько всего интересного рассказала! Судя по всему, я в прошлой жизни была королевской крови, скоро мне предстоит выгодное вложение, дедушка передавал привет, бла-бла-бла... Но самое интересное она мне рассказала о тебе.

– Медиум тебе сказала, что мне нужна новая одежда?

– Нет. Она сказала, что в твоей жизни есть *мальчик*, о котором ты мне ничего не говоришь!

Сэм так вытаращила глаза, что они чуть у нее из головы не выкатились.

– Чего-чего?

– Я ей сказала, что этого быть не может, потому что я бы уж точно знала, будь у тебя парень, – продолжала Кэнди. – Но мадам Буффон стояла на своем. Она не смогла назвать мне ни имя, ни возраст, но описала его очень подробно. Он жутко на тебя похож, прямо родственная душа! Слушает ту же музыку, тоже любит всякое из мусора мастерить, даже смотрит тот же дурацкий сериал, который ты так обожаешь. Знаю, ты не любишь со мной такое обсуждать, но если у тебя есть парень или тебе просто кто-нибудь нравится, рядом с ним неплохо бы покрасивее выглядеть.

Сэм махала руками как могла, пытаясь уговорить маму, но рот Кэнди был как поезд без проводника и машиниста.

– Серьезно, мам? – спросила она. – Я тебе триста раз говорила, что нет в моей жизни никаких парней. Какой-то мадам Буффон ты веришь, а мне – нет?

– Она провидица с мировым именем, между прочим, – сказала Кэнди. – Ну почему тебе так трудно говорить со мной о мальчиках? В твоём возрасте встречаться с парнями совершенно нормально. Я пытаюсь тебя поддержать, а ты каждый раз психуешь, стоит только мне заговорить об этом. Ты лесбиянка, что ли?

– Да не лесбиянка я!

– Тогда чего ты так стыдишься, Саманта? – спросила Кэнди.

Сэм примолкла. Она прекрасно знала, почему эта тема для нее так болезненна, но пока не была готова поговорить об этом с матерью. Кэнди просто не способна понять такое.

– Ничего я не стыжусь, – сказала Сэм. – Просто сейчас мне не до парней. Прояви немного уважения, пожалуйста.

Кэнди обреченно вскинула руки, признавая поражение, и сложила одежду обратно в пакет.

– Да не в неуважении дело, скорее уж в нетерпении, – сказала она. – Отнесу завтра обратно в магазин. И лучше пойду отсюда поскорее, пока у меня не началась мигрень от всех этих свечей.

Кэнди вышла из комнаты Сэм в расстроенных чувствах. Медиум так точно описала все остальное, как же она могла ошибиться в этом?

Однако, если бы Кэнди знала свою дочь так же хорошо, как Сэм знала свою мать, она бы поняла, что та не говорит всей правды. Медиум вовсе не ошиблась – в жизни Сэм действительно был парень, которого та скрывала, но это был не бойфренд, как бы Кэнди ни надеялась на это. Парнем в жизни ее дочери *и была* ее дочь.

Не так уж во многом в этой жизни Сэм Гибсон была уверена на все сто, но она знала всем сердцем, телом и душой, что *он* – трансгендер.

В детстве Сэм не задумывался о том, почему ненавидит носить платья, неохотно позволяет матери надевать ему банты или с куда большим удовольствием играет с соседскими мальчишками, чем с девочками. Слова «ты же девочка» и «юная леди» его раздражали, но скорее потому, что за ними всегда следовали указания, как правильно сидеть или как себя вести. Сэм долго не понимал, что все это были намеки от его истинной личности.

От других девочек Сэм отличался всегда, но только классе в третьем его самоощущение «не так, как у других» переросло в «не так, как надо». Впервые в жизни он и его одноклассники перестали быть просто учениками – они разделились на юных мужчин и женщин. И это разделение влекло за собой целый набор новых правил, ожиданий и ограничений, которых Сэм раньше не знал. Ему было от них некомфортно, но он не понимал почему. Сэм знал, что он девочка – это было очевидно – так почему же он не чувствовал себя девочкой? Почему в душе ему казалось, что он мальчик? Почему так хотелось, чтобы и относились к нему как к мальчику?

Это было странно, обидно и несправедливо одновременно, и со временем становилось только хуже.

Все детство Сэма преследовали вопросы, ответов на которые он не знал. Что он такое? Ошибка природы? В нем что-то сломалось? Бог что-то перепутал, когда его создавал? Или за что-то наказал? Вместе с другом Джоуи Сэм ходил в воскресную школу, чтобы научиться молиться и попросить бога его исправить. Каждую ночь Сэм молился о том, чтобы наутро проснуться в правильном теле, но всё тщетно.

В шестом классе начало переходного возраста ощущалось не как естественное развитие, а скорее как насильственный захват. Тело Сэма не столько росло, сколько *предавало* его. С каждым днем он все больше походил на то, чем не должен был быть. И сколько образовательных фильмов на эту тему ни посмотри, мысль о том, чтобы стать в конце концов женщиной, казалась Сэму чужеродной и невозможной – как если бы гусеница вместо бабочки превратилась в паука.

Сэм надеялся, что, если не обращать на перемены внимания, его тело, возможно, их отвергнет или обратит вспять. Он не стал носить лифчик, а вместо этого обмотал себе грудь эластичным бинтом так, что она казалась плоской. Чем больше она росла, тем туже он ее затягивал – порой от бинта на коже оставались кровоподтеки. В итоге он купил себе спортивный лифчик с тем же свойством, но Сэму это почему-то показалось поражением – он проигрывал в войне с собственным телом.

Сэму и самому было очень трудно понять себя – он не ждал, что еще хоть кто-нибудь сможет. Сэм боялся, что, если его друзья и мама узнают правду, они станут относиться к нему как к монстру Франкенштейна. Поэтому он закрылся ото всех, не позволяя людям узнать его слишком близко и не позволяя самому себе проболтаться. Сэм полагал, что только так он сможет защититься, но, к сожалению, это затянуло его в пучину одиночества. Даже в кругу друзей Сэму казалось, что он совсем один.

Только в средней школе Сэм узнал слово «трансгендер». Впрочем, когда-то до того он уже читал это слово пару раз, но только услышав его, почему-то в полной мере осознал его смысл. Как-то поздним вечером он смотрел телевизор, переключал каналы и наткнулся на показ старого ток-шоу. Заголовок гласил: «Трансгендер в Америке», а ведущий задавал вопросы трем трансам – двум женщинам и мужчине. Сэм смотрел передачу затаив дыхание. Гости-трансгендеры говорили о том, как нелегко взрослеть в теле противоположного пола, как тяжело жить в мире, где их не понимают, и какое удивительное чувство свободы им подарил трансгендерный переход.

И словно туман рассеялся у Сэма перед глазами – он наконец-то понял, кто он такой. Сэм просто не мог оказаться ошибкой природы или бога, и уж точно не был чудовищем – ведь во всем мире были миллионы людей, подобных ему. Сэму даже стало неловко, что он не додумался раньше, но слово «трансгендер» нечасто звучало на улицах Даунерс-Гроув.

К старшей школе Сэм перестал терзаться вопросами о том, кто он. Теперь его беспокоило другое: «Что мне делать?», «Сколько стадий есть в переходе?», «Сколько из них я хочу пройти?», «Стоит ли рассказать друзьям и семье?», «Примут ли они меня таким?» и «Смогу ли я жить дальше, если нет?»

Информация и разговоры с людьми в Интернете помогли Сэму, но многие советовали ему найти психолога, с которым можно будет обсудить всё лично. Он устроился на летнюю подработку не только затем, чтобы оплатить свою долю поездки (и взять с собой в колледж хоть немного денег), но и чтобы пойти к психотерапевту. Он записался на прием к доктору Юджину Шерману, до офиса которого от «Yolo» можно было дойти пешком.

Психолог оказался старше, чем ожидал Сэм. Волос в ушах у него было больше, чем на голове, он избегал смотреть своей секретарше в глаза, а в приемной на стене висела фотография с ним в компании Джорджа Буша. Да, тревожных звоночков было немало, но Сэм был так рад возможности хоть с кем-то поговорить, что не обращал на них внимания.

– Значит, вы считаете себя мужчиной, запертым в женском теле? – спросил доктор Шерман.

– Боже, терпеть не могу, когда люди так говорят, – сказал Сэм. – Будто диалог из ситкома 80-х. Я бы сказал, что я – трансгендер из женщины в мужчину. Ближе к истине и не похоже на анекдот.

– А с друзьями вам еще не доводилось это обсуждать? – спросил доктор Шерман.

– Нет, – ответил Сэм. – Мой друг Джоуи из очень религиозной семьи, не знаю, как он отреагирует. Мо любит порой устраивать сцены, так что ей я точно расскажу не первой. А Тофер... для него это может оказаться более всего.

– Вы думаете, он не примет вас?

– Тут не в принятии дело, – сказал Сэм. – Не поймите превратно, Тофер – он почти святой. Он мог отправиться в любой колледж, но остался дома помогать маме ухаживать за братом-инвалидом. Рассказать Тоферу правду может быть трудно только потому, что... ну, потому что он влюблен в меня.

– Это чувство взаимно?

– В смысле влюблен ли в Тофера я? – переспросил Сэм. – Не уверен. Я об этом никогда не думал. Привлекают меня определенно мужчины, если вы об этом. Но я слишком озабочен тем, чтобы *быть собой*, поэтому для меня сейчас не так важно *быть с кем-то*. Понимаете, да?

Психолог отметил это у себя.

– А что думают ваши родители?

– Мама точно не выдержит. – Сэм ощутил, как по спине бегут мурашки от одной мысли о том, чтобы рассказать ей правду. – Она над каждой серией «Анатомии страсти» рыдает, не представляю, что с ней будет. Поташит меня к какой-нибудь знахарке, наверное, и начнет подсыпать в еду таблетки с эстрогеном.

– А ваш отец?

– О, я своего отца никогда не видел, – сказал Сэм. – Он исчез задолго до того, как мама узнала, что беременна мной.

– А был ли у вас отчим, надежный человек в роли отца?

– Людей было полно, а вот *надежных* – ни одного. – Сэм рассмеялся. – Мама скакала от парня к парню, от работы к работе, от города к городу, протаскала меня вдоль всей реки Миссисипи, и в конце концов мы обосновались в Даунерс-Гроув. До восьми лет она заставляла меня звать ее «старшей сестричкой». Если этого мало, чтобы понять, какая у меня семья, то я уж и не знаю. Потому я и здесь.

Доктор Шерман счел это крайне занимательным и снова что-то записал.

– Что ж, мисс Гибсон, у меня чудесные новости, – сказал он. – Вы не трансгендер.

Это было последнее, что ожидал услышать Сэм после целого часа обсуждения его самой сокровенной тайны.

– Что, простите? – переспросил он.

– Вы росли без отца и с не самой ответственной матерью. Наверняка с детства вам не раз приходилось выступать в роли собственного родителя, – с уверенностью сказал доктор

Шерман. – У вас не было иного выбора, кроме как заботиться не только о самой себе, но и о матери тоже. Без отца именно вам пришлось стать, скажем так, «мужчиной в доме». Таким образом, нет ничего удивительного в том, что вы хотите *стать* мужчиной.

Сэм ощутил себя так, будто приехал в автомастерскую ремонтировать машину, а механик принял ее за лошадь.

– Извините, но, по-моему, вы ошибаетесь, – сказал он. – Я трансгендер, потому что мой внутренний пол не совпадает с биологическим. И отсутствие отца здесь совершенно ни при чем.

– Да, я понимаю, вы *считаете* себя трансгендером, но по моему профессиональному мнению, это расстройство личности...

– Нет у меня никакого расстройства, – сказал Сэм. – Я с самого детства скрывал это и мучился. Вряд ли вы понимаете, как трудно было решиться сюда прийти и хоть кому-то рассказать. Я пришел за советом о том, как быть дальше и что сказать близким, а не слушать, как со мной разговаривают как с сумасшедшим.

Доктор Шерман снял очки и отложил блокнот. Сэм осознал, что психологу никогда его не понять и что не стоило вообще к нему приходить, когда услышал два слова:

– *Юная леди*, – сказал Шерман. – Я уже более четырех десятилетий изучаю человеческий разум. И прекрасно понимаю, как может быть желанно присоединиться к трансгендерному сообществу, но поверьте, оно есть не более чем очередная мода для бунтарей. Кроме того, трансгендерность все еще считается психическим расстройством во Всемирной организации здравоохранения. Я бы очень хотел вам помочь, но не стану рекомендовать калечить свое тело, поскольку ваши трудности можно разрешить посредством простой психотерапии.

У Сэма не осталось слов – одни эмоции. Будто он всю жизнь провел в смиренной рубашке, и первый человек, которого Сэм попросил ослабить ремни, только затянул их еще туже.

– Давайте так, – предложил Шерман. – Ступайте домой и изучите уровень безработицы, бедности, притеснения и насилия над трансгендерами в Америке. Если после этого вы не переживаете избрать себе подобный образ жизни – я с радостью направлю вас к другому психологу. Но до тех пор, боюсь, я больше ничем не могу вам помочь.

Сэм надеялся выйти из кабинета доктора Шермана свободным, уверенным в себе, готовым к жизни, которая ему суждена. Вместо этого домой Сэм шел разбитым, испуганным, одиноким, и хуже ему еще никогда не бывало. Если даже врач не захотел его поддержать, что же будет с семьей и друзьями? Сумеет ли он пройти переход без них? Хватит ли ему сил пережить всё это самому?

Дать ему ответ на эти вопросы могло одно лишь время.

Каждый вечер после того злосчастного визита к доктору Шерману Сэм пересматривал свою любимую серию «Чудо-ребят», чтобы немного утешиться перед сном. Тринадцатую серию третьего сезона, «Пленники пояса астероидов», в которой доктор Конфузер пробился через сотни астероидов и освободил инопланетный вид, запертый внутри. Это были Небесные ангелы, прекрасные создания с бледными прозрачными телами и широкими голографическими крыльями. Оказавшись на свободе, ангелы радостно взмыли в космос, стремясь воссоединиться со своими семьями на другом конце Вселенной.

Именно эта серия больше всех нашла отклик в душе Сэма. Временами он ощущал себя Небесным ангелом, запертым в астероиде, вот только не было надежды, что доктор Конфузер появится и спасет его. Если Сэм желал свободы, он сам должен был освободиться – нужно лишь было найти силы, чтобы решиться на это. И пусть ему придется пережить переход в одиночестве – в итоге он наконец ощутит себя как дома в собственном теле и станет человеком, которым и должен быть. И оно того стоило.

Сэм не подозревал, что помощь уже в пути. И пусть это был не сам доктор Конфузер, но все же человек к нему настолько близкий, насколько Сэм не мог и представить.

Глава 4. Расстройство буйного воображения

Мо Исикава положила папку с «Чудо-ребятами» на розовое покрывало и взглянула в большое зеркало, висевшее в углу. В отличие от своей подруги Сэм Мо зеркала очень любила – пожалуй, даже слишком. В комнате у нее их было три, и Мо никогда не упускала возможности оглядеть себя, попозировать как Эми Эванс или, проходя мимо, сказать своему отражению «Привет, подруга».

Но в эту минуту Мо смотрела себе в глаза с очень серьезной и совсем не забавной целью. Она глубоко вздохнула и принялась декламировать речь, над которой работала три месяца. Мо уже столько раз повторяла ее, что намертво выучила наизусть, как Клятву верности.

– Пап, нам нужно поговорить, – сказала Мо. – Прости, что вот так застала тебя врасплох, но мы должны обсудить мое образование. Знаю, ты всегда мечтал, что я пойду в Стэнфорд, но после долгих раздумий я решила, что это не для меня. Я тебе не рассказывала, но после подачи документов в Стэнфорд я отправила заявку на программу писательского мастерства в Колумбийском университете. Меня приняли и туда тоже, и именно туда я собираюсь пойти осенью.

Она открыла папку с «Чудо-ребятами», вытащила письмо о приеме в Колумбийский и вместе с буклетами по программе выложила его на кровати, как бы показывая отцу.

– Я понимаю, почему ты считаешь, что писательство – профессия ненадежная, поэтому, чтобы ты не волновался, я планирую изучать и экономику. Прости, что не сказала раньше, но я знала, что ты расстроишься. Вступительный взнос я отправила и в Стэнфорд, и в Колумбию, чтобы было время набраться храбрости и все тебе рассказать, но дисциплины нужно выбирать уже сейчас, пока все места не заняты. Вот список дисциплин, которые я планирую изучать в первом семестре.

Поверх буклетов Мо положила список.

– Я не хочу жить, жалея об упущенных возможностях, и буду несчастна, если придется поступать в Стэнфорд и заниматься экономикой. Я писатель, пап, – это у меня в крови, и именно этому я хочу посвятить свою жизнь. Ты сам меня учил, что взрослые порой принимают непростые решения, и я надеюсь, что в этом ты увидишь зрелость мышления, а не отсутствие уважения к тебе. А теперь просмотри, пожалуйста, все материалы, что я принесла, и давай поговорим обо всем утром. Спасибо. Ну как тебе, Персик?

Мо тревожно оглянулась на своего серого кота, Персикона Картера, известного также просто как Персик. Он лежал на груди плюшевых животных в другом конце комнаты. Это были почти десять килограммов чистого презрения, и украшенный драгоценными камнями ошейник отлично подходил нраву кота. Персик смотрел на Мо так же, как всегда смотрел на людей – будто мысленно призывая их всех отправиться в пешее эротическое путешествие.

Мо привыкла к равнодушию Персика. Зеленые глаза кота были полны отвращения с тех самых пор, как его принесли домой из приюта – словно он с самого начала знал, что обязан своим существованием вымышленной паре из телесериала.

В принципе Мо догадывалась, что вряд ли существо, которое справляет нужду в коробку с песком, живет на одних рыбных консервах и спит по двадцать часов в день, глубоко за что-то обижено лично на нее. Но ей приходилось временами напоминать себе об этом и о многом другом – слишком часто она витала в небесах. Воображение Мо жило своей жизнью.

– Интересно, сильно ли папа разозлится, когда узнает, – размышляла Мо, расхаживая по комнате. – Формально он, конечно, не может меня заставить пойти в Стэнфорд. Но опять же *формально* за мой колледж платит именно он. Вдруг он просто не даст мне денег? Вдруг за Колумбийский придется платить со студенческих займов? А если после выпуска мне никто

не станет платить за тексты? Как я потом из долгов вылезу? Да мне свои органы на черном рынке продавать придется!

С самого детства Мо страдала от РБВ (расстройства буйного воображения). Министерство здравоохранения США такого расстройства не признавало официально (потому что Мо сама его выдумала), но было оно таким же тяжелым и утомительным, как и любое другое.

– Хватит, Мо! – рявкнула она и влепила самой себе пощечину. – Отец не позволит тебе продавать органы ради колледжа. Ты ведь его единственная дочь – когда он постареет, тебе еще о нем заботиться. Боже, будь у меня брат или сестра постарше, не пришлось бы сейчас все это расхлебывать.

С другой стороны, в таком случае Мо вряд ли стала бы писателем. Именно жизнь без братьев и сестер пробудила в ней творческий пыл и обрекла на РБВ. Играть Мо было не с кем, и ей пришлось придумывать себе развлечения.

Например, когда Мо было два года, она сняла крышки со всех предметов в доме и спрятала в коробочке у себя под кроватью. Она сделала это лишь затем, чтобы позлить отца и посмотреть, как он все эти крышки ищет.

В три года Мо возлюбила зеркало. Одинокая малышка часами смотрела в него, разговаривала, корчила смешные рожицы самой себе. Зеркало было не просто листом стекла с ее отражением – оно открывало окно в другой мир, где жил ее двойник. Именно поэтому по сей день Мо не могла пройти мимо зеркала, не посмотрев себе в глаза или не сказав «Привет» – иначе ей казалось, что она предаст старого друга.

В четыре Мо придумала имя каждой вещи в доме, чтобы всегда было с кем поговорить. И не только имя – все предметы мебели и приборы она наделила еще и собственной историей, привычками, политическими взглядами. Она не знала, что значат слова «республиканец» и «демократ», но очень подробно рассказывала родителям, что стиральная машина не желает разговаривать с сушильной, потому что в 2004 году та голосовала за Джона Керри.

Мама Мо решила, что это очень забавно и изобретательно, и поэтому поддерживала дочь в ее затее. К несчастью, миссис Исикава и ее супругу это вышло боком. Помимо имен выходило, что у каждого предмета в доме есть еще и душа, поэтому когда приходило время что-нибудь выбросить, Мо вела себя так, будто это самое настоящее убийство.

Когда родители выбросили Брюса, шатающийся табурет, Мо плакала неделю. И так и не смогла оправиться, увидев, как двое мусорщиков похищают сломанный телевизор Энтони. Мо бежала за грузовиком шесть кварталов, запомнила номер машины и позвонила 911, когда вернулась домой. Разговор между ее отцом и двумя пришедшими на вызов полицейскими вышел очень неловкий.

Маме ничего не оставалось, кроме как сказать Мо, что помятый абажур по имени Мередит сбежал с бродячим цирком. До конца года Мо получала от Мередит письма, в которых та рассказывала ей о своих приключениях в пути. К счастью, Мо так и не заметила, как почерк Мередит был похож на мамин.

Именованию затронуло и двор. Каждое дерево, растение и камень обзавелись сложной предысторией, которую Мо была очень рада изобрести и рассказать маме.

– Я и не знала, что клен раньше жил в Швейцарии, пока не оказался у нас во дворе, – сказала миссис Исикава. – Почему он решил переехать в Штаты?

– Потому что влюбился в кедр, они хотели пожениться и создать семью деревьев, – отвечала Мо.

– Папа по той же причине переехал сюда из Японии, – сказала миссис Исикава. – А вон тот валун? Почему он или она с нами живет?

– Он просто выглядит как валун, мам, – объяснила Мо. – Когда-то это была падающая звезда, она миллион лет летела через галактику, пока не упала сюда!

– Это удивительно, милая, – сказала миссис Исикава. – Я очень люблю твои истории. Можешь кое-что сделать для меня? Скоро мне придется ходить на всякие встречи – ничего интересного, просто взрослые дела – и было бы очень здорово, если бы ты писала истории для меня. Я могла бы брать их с собой и радоваться.

– С удовольствием, мам!

Мо с восторгом взялась за новый проект и подошла к делу очень серьезно. Слов она знала немного, но писала подробные рассказы про жуков в саду, про птиц, что живут в деревьях, про звезды в ночном небе. Порой сюжеты выходили слишком сложными, и Мо для наглядности рисовала картинки мелкими и фломастерами, чтобы мама не запуталась.

– Чудесные рассказы, малышка! – сказала миссис Исикава. – То, что надо. Слушай, мне скоро снова нужно будет идти на встречу. Давай ты и дальше будешь писать истории для меня? Они всегда поднимают мне настроение.

– Конечно!

Каждый день, когда миссис Исикава уходила на встречу, Мо отдавала ей новый рассказ. На встречи маму всегда возил отец, а Мо оставалась с тетей Коко, и когда родители возвращались, новый рассказ для мамы уже был готов. Встречи становились все чаще, и Мо все труднее и труднее было успевать писать.

– Прости, мамуль, – сказала Мо. – Я еще не дописала историю про соседскую собаку.

– Ничего, милая, – ответила мама. – Я немножко устала и, наверное, все равно не прочитала бы сегодня много. Давай ты ее закончишь, а я завтра погляжу?

Мо очень увлеклась рассказами и совсем не замечала, что с тех пор, как начались все эти встречи, мама с каждым днем все больше устает.

– Мама, а почему ты всегда такая уставшая? – спросила как-то Мо. – Это из-за встреч тебе хочется спать?

– Да, милая, из-за них, – ответила миссис Исикава. – У взрослых важные дела, но они бывают порой такими скучными. Только думаю о них – и уже спать хочется. Но не волнуйся, малышка, мамочка будет веселой как раньше, когда встречи закончатся.

Мама Мо теряла не только силы. Она все больше бледнела и худела, с каждой встречей становилась все слабее.

– Мам, а почему ты такая худенькая?

– Я... иногда забываю пообедать на встречах, – ответила миссис Исикава.

– А что с твоими бровями и ресницами? Они выпали?

– Ну... может быть, я линяю, как соседская собака? Лето ведь уже не за горами.

– Мам, люди не линяют. Что с тобой, правда?

– Милая, иди сядь сюда, и я объясню, – сказала мама. – Я давно хотела кое о чем с тобой поговорить, но все ждала подходящего времени. Понимаешь, на встречи я ходила в больницу, к докторам.

– А зачем тебе в больницу, мам?

– Потому что... потому что... – с трудом выговорила миссис Исикава. – Потому что доктора думают, что у твоей мамы могут обнаружиться суперсилы! Вот они и проводят тесты, чтобы это проверить.

– Суперсилы? – рассмеялась Мо. – Да неправда!

– А как же еще объяснить все эти перемены? – лукаво спросила миссис Исикава. – Твоя мама – Невероятная Суперженщина и умеет спать, уменьшаться и линять. Только никому из друзей не рассказывай, а то обзавидуются.

– Поэтому папа теперь так много молчит? Потому что хранит твой секрет?

– Да, именно поэтому, – ответила мама. – Но не волнуйся, папа тоже станет прежним, как только я пройду все тесты на суперсилы.

– А как их можно использовать? – спросила Мо, все еще не до конца поверив маме.

– Это врачи и пытаются выяснить. Получается долго, потому что воображения-то у них маловато. Эх, вот если бы мог кто-нибудь им помочь!

У Мо загорелись глаза, и она широко улыбнулась.

– Так ведь у меня же отличное воображение! – воскликнула она. – Может, если я напишу рассказов про Невероятную Суперженщину, то помогу врачам!

– Малышка, это замечательная идея! – сказала миссис Исикава. – Мне скоро снова нужно будет ходить на встречи – на этот раз придется на пару дней остаться в больнице, чтобы пройти еще несколько тестов на суперсилы. Давай ты напишешь для меня еще рассказов, и мы вместе их читаем, когда я вернусь?

– Запросто! – ответила Мо.

Пока мама была в больнице, Мо старательно работала над историями про Невероятную Суперженщину, которая умела спать, сжиматься и линять. Она написала, как с помощью своих сил мама проспала самый громкий шум на планете, как она сжималась до размеров мышки, чтобы достать упавшие за диваны и шкафы вещи, а волосы подбрасывала в еду в ресторанах, чтобы ее там бесплатно кормили.

Мо с нетерпением ждала, когда сможет поделиться с мамой новыми историями – она знала, что та будет смеяться над ними до упаду. Тетя Коко не так сильно любила творчество Мо, поэтому та мечтала, чтобы родители поскорее вернулись.

Почти через неделю папа наконец пришел домой.

Один.

– Папуль, мама уже прошла все тесты на суперсилы?

– Нет, – сказал мистер Исикава. – Никаких тестов больше не будет.

Отец избегал смотреть Мо в глаза, и она испугалась, что он за что-то злится на нее.

– А когда мама вернется домой? – спросила Мо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.